

Секта. Роман на запретную тему

Автор:

Алексей Колышевский

Секта. Роман на запретную тему

Алексей Юрьевич Колышевский

Когда людям становится мало огромного состояния, могущества и власти над себе подобными, место Бога в их душе занимает Дьявол. И тогда становится невозможным противиться искушению... Искушению будущим...

Сюжет романа «Секта» основан на реальных событиях, начало которым положил еще в XVIII веке «русский Нострадамус» – монах Авель. И вот уже четвертое столетие сбываются его пророчества: войны, третье, самое страшное иго, падение и возрождение Великой Страны.

Алексей Колышевский

Секта. Роман на запретную тему

С благодарностью сотрудникам КГБ СССР,

ФСБ РФ, СВР РФ и CIA USA

за предоставленные материалы,

которые послужили основой для создания этой книги.

Пролог XXL

1

Генерал Петя, прищурившись, поглядел на старика и улыбнулся по-детски искренней, широкой улыбкой:

- Вот, оказывается, как много вы знаете. Что ж мне с вами делать-то, а?

Казалось, старик его не слышит. Он молча сидел на стуле с высокой спинкой, руки его были заведены назад и схвачены в запястьях грубыми, режущими кожу наручниками. Такие любят применять в тюрьмах, где сидят особо опасные преступники.

- Молчите? Таки я не скажу, что это плохо, - отчего-то на одесский манер прокомментировал поведение старика генерал Петя, - лишь молчание чего-то стоит в этой жизни. Особенно если оно так нужно остальным. Я все-таки задам вам последний вопрос и очень прошу вас ответить на него честно. Видите, я сделал ваш допрос максимально гуманным: не кричал, убрал свет, как вы и просили, и даже по-дружески угостил вас яблоком с моей дачи. Поэтому внимание, последний вопрос, - генерал Петя присел на краешек стола напротив старика, и только тогда тот наконец подал голос:

- Вы зря сидите на столе. Дурная примета.

Генерал Петя удивленно вскинул брови:

- Вот как? И какая же?

- Денег не будет, - старик закашлялся.

– Ах, вот вы о чем... Деньги – это соль жизни, а без соли все имеет пресный вкус. Но соли для придания вкуса нужно немного, и щепотка-другая у меня всегда найдется, так что не верю я в вашу примету. Так как с моим вопросом?

Старик едва заметно кивнул: «Спрашивайте».

– Ваш замечательный дедушка, работавший с расстрелянным Бокием, не называл вам имя, которое он, возможно, прочел в самом конце тетради? Вы понимаете, чье имя я имею в виду?

– Понимаю. Нет, не называл. Он никогда не держал тетради в руках, просто видел издали, а потом его комиссовали из органов, и он ничего не знал о ее дальнейшей судьбе.

– Это ваше последнее слово? Вы уверены в том, что он не знал, где тетрадь?

– Абсолютно.

– Верю! – вдруг громко воскликнул генерал Петя и дурашливо захлопал в ладоши. – Viva, Кальман!

Затем он сделался серьезным и даже немного грустным. Слез со стола, обошел его справа, выдвинул один из ящиков и достал оттуда огромный крупнокалиберный пистолет:

– Помните, я в самом начале разговора сказал вам, что давно уже не допрашивал никого лично? Поэтому приходится компенсировать потерянный опыт параграфами из хрестоматии для младших лейтенантов госбезопасности. Последний параграф раздела под названием «Техника допроса заключенного» называется «Эффективный финал». Как вам формулировочка? – Генерал Петя зашел старику за спину, и тот не мог видеть его лица. – Они там совершенно оторваны от реальной жизни, те, кто составляет эти дурацкие хрестоматии. Этакие библиотечные циники, считающие себя интеллектуалами. Но уж раз там так написано...

Он сделал шаг вперед, подошел к старику на расстояние вытянутой руки, поднял свой гигантский пистолет и, приставив его к затылку несчастного,

спустил курок. Раздался оглушительный выстрел, усиленный вдобавок бетонными стенами камеры. Голова старика в мгновение ока стала напоминать взорванный гранатой арбуз.

Генерал Петя с некоторым удивлением посмотрел на пистолет, затем на ужасное дело рук своих, склонил голову так, как делает это умная остроухая немецкая овчарка, и, обращаясь сам к себе, восхищенно, с изумлением произнес:

– Рок-н-ролл!

Затем подумал немного и добавил грязное непечатное ругательство.

2

Служба давно закончилась. Отец Филипп, православный священник, прикрыл входные ворота. Был вечер зимнего, последнего перед Крещением воскресенья, и прихожан к службе явилось немного. Видать, берегут силы перед праздником, когда самые отчаянные станут нырять в прорубь, а значит, придется садиться на вездеход и ехать освящать полыню, пробитую в метровом льду с великой трудностью. Мороз и сейчас уже крепок, а на Крещение войдет в полную силу. Придется желающим испытать себя в ледяной обжигающей лаве, ломать собственной тяжестью ледяную корку, которой мгновенно схватывается открытая вода. Филипп из всех праздников отчего-то Крещение любил особенно. Может, из-за того, что и сам каждый год непременно нырял в прорубь, подавал пример колеблющимся. «Если уж батюшка вылез, то, значит, и с нами ничего не случится», – думали собравшиеся возле проруби люди и, мелко крестя рот, лезли следом.

Приход маленький, да и церковка не чета Елоховской: тоже маленькая, бревенчатая, словно выросшая из таежной мерзлоты. Построили ее еще при государе императоре Александре Втором Благословенном в его Императорскую честь. Так и называли церковку – Александровская. И село с таким же названием, и приход. Служил в нем отец Филипп с самой семинарии, немедленно после ее окончания отправившись из подмосковного тогда еще Загорска, а ныне Сергиева Посада, в далекий Иркутск, а потом и дальше, к самому Байкалу. Здесь и служил все тридцать два года безустанно, ни разу даже в отпуск не попросился.

Священник любил этот край, исходил его взад и вперед и ни за что не променял бы святой байкальской земли даже на московские «сорок сороков». Пусть тот, кто Богу служит ради карьеры, в Москву стремится, а Филипп служил ради совести. Честно. Все зоны вокруг, словно щедрым сеятелем раскиданные, навещал, везде его знали. Пусть и сложно было сперва: зэки народ непростой, да только Господь со всеми на своем языке говорит, и со временем даже самые лютые, те, кто по зонам с юности до могильного кургана живут, при виде неутомимого священника ощеривали рот с редкими зубами – улыбались, значит. В самом Александровском весь народ так или иначе к зоне относился. Зона всех кормила и поила – и тех, кто в ней работал и служил, и тех, кто когда-то в ней сидел. Обычное дело: «откинется» зэк, а куда ему податься? Вот и остаются людишки, обзаводятся мало-мальским хозяйством, частенько женятся. Бузят, конечно, не без этого. Потом, когда в себя приходят, идут к батюшке, грехи замолить или совета спросить. Одним словом, пастырь и его паства. Все как и должно быть. Кто еще научит, на путь истинный наставит, как не священник? Он же и грех снимет с души, а грехов на душе у сидельца российского немало.

И шли к отцу Филиппу людишки со своими чаяниями в любое время. Поэтому, услышав громкий стук в створ ворот, которые сам только что закрыл на засов, отец Филипп не удивился. Не иначе как из селян кто-то со своим горем или радостью пришел. Священник отодвинул засов и приоткрыл низкую в воротах дверцу.

Этих двоих он не знал. Память у отца Филиппа была хорошая, и тех, кого он сейчас увидел на пороге своей маленькой деревянной церковки, священник никогда ранее не встречал. Должно быть, только-только после освобождения, а другим тут делать нечего, да и лица вечерних визитеров были типичными для уголовников со стажем. Таких сухой язык юстиции именует «рецидивистами». Публику эту отец Филипп не боялся. Привык давно. Он отошел от дверного проема, приглашая двоих гостей войти. Первый кивнул и, пригнувшись, решительно перешагнул порог. Второй заметно нервничал, постоянно вертел головой, словно стоял на шухере.

– Проходите в храм, не бойтесь. Рассказывайте, с чем пришли. Может, помощь какая нужна? – просто и искренне обратился к пришедшим священник.

– Слышь, попик. А кто тебя боится-то? – второй, тот который нервный, наконец вошел внутрь и задвинул засов, первый с нахальной издевкой смотрел на александровского батюшку. Отец Филипп улыбнулся:

– Не надо так разговаривать. Здесь Божий храм, я в нем настоятель, вы ко мне пришли за помощью, так просите. Чем смогу, тем помогу.

– Ты меня, мышь церковная, будешь учить, как с тобой бакланить? А, сука? Ты, видать, попутал, падло. Кыча, – первый обратился ко второму, – вправь ему гланды.

Отец Филипп получил ослепляющий удар кулаком в лицо, после которого он не смог удержаться на ногах и при падении ударился головой о свечной поставец. Потерял сознание.

– Марюта, чего с ним, а? Он чего, сука, в натуре отъехал?

– Щас, – первый, которого звали Марютой, наклонился над расprostертым священником. – Да нет вроде. Жива тля божья, просто припаял ты ему, Кыча, по двойной норме. Ничего, очухается. Давай-ка лучше искать эту... Как там фраерок говорил?

– Тетрадку вроде.

– Ага. Тетрадку. Куда он ее зашхерил? Тут ее, – Марюта обвел глазами небольшое помещение церквушки, – вроде и спрятать негде. Дай курить.

– На, – Кыча достал из кармана пачку «Явы». Марюта вытащил сигарету, чиркнул спичкой, прикурил и бросил спичку на пол. – Где ж она может быть-то, мля? В алтаре надо жалом поводить. Этот, – он кивнул в сторону лежащего без движения священника, – небось там свои ништяки хранит. Кадилы там всякие, книжки поповские с рясой. Ты постой пока с ним, вертухнись, а я полукаю.

С этими словами уголовник Марюта проследовал в алтарь, распахнув его резные дверцы ударом ноги.

Кыча подошел поближе к отцу Филиппу, тот по-прежнему не подавал признаков жизни. Похоже, что это обстоятельство Кычу не обрадовало, и он с озабоченным видом почесал в затылке. Потом принялся смотреть по сторонам, подошел к иконе Николая Чудотворца, воровато поглядел на алтарь, в котором, судя по раздающимся оттуда звукам, орудовал его поделщик, и, убедившись, что его

никто не видит, быстрым движением перекрестился.

Тем временем Марюта, отвратительно сквернословя и отплевываясь, выбрался из алтаря, держа в руках несколько старинных переплетенных в кожу толстых книг:

– Ни хера тут нету. Только вот, – он поднял над головой свою находку, – книжки какие-то, в которых лично я ничо не догоняю.

– Дай поглядеть, – Кыча взял один из фолиантов, открыл наугад. – Это церковная. Тут молитвы написаны, у моей бабки такая была. На тетрадку не больно похоже вроде, – неуверенно закончил он.

– Во! – Марюта увидел, что священник понемногу приходит в себя: веки отца Филиппа задрожали, потом он открыл глаза и тихо застонал. – Очухалось, божье вымя. Вот мы у тебя сейчас и спросим. Ну-ка, Кыча, давай дернем его.

Двое негодяев под локти подняли отца Филиппа и поволокли его к выходу. Быстро пересекли двор и подтащили священника к дверям его дома, стоящего напротив. Кыча пошарил по карманам в поисках ключа, но не нашел. Впрочем, ключ не понадобился – дверь отец Филипп никогда не запирает. В Александровском, несмотря на «спецконтингент», к числу которого принадлежало большинство жителей, воровство отсутствовало вообще. «Крысу» ждал скорый и страшный самосуд – это было «по понятиям», которые более почитались местными жителями, чем Уголовный кодекс.

Дальнейшая пытка священника продолжилась уже у него дома. Двое озверевших уголовников перевернули все вверх дном, но тщетно. Отец Филипп, обливаясь кровью, давясь слезами, лишь просил Господа Бога простить этих двух заблудших и молился о спасении их души. Вдруг Марюта, до этого с помощью большого, найденного в снях гвоздодера методично вскрывавший половые доски, удовлетворенно хмыкнул:

– Попик, так ты чего нам беса гнал, а? Вот же она, тетрабочка-то. – Он показал подельнику свою находку: тонкую, переплетенную в черный коленкор тетрадь без надписей на обложке. – Видал, кореш? Все как тот хмырь лощеный описал. Черная тетрадка. Рвем отсюда.

– А с этим-то что делать?

– С этим-то? – Марюта отвратительно осклабился. – С этого спросить, как с гада, мля. Там внизу канистра стоит. Я заметил, как входили. Ты спички не посеял?

Кыча судорожно кивнул, видимо, хотел что-то сказать, но не решился, и кинулся вниз искать канистру. Марюта наклонился, достал из-за голенища сапога заточку, сделанную из трехгранного напильника, и шагнул к священнику...

...В пяти километрах от Александровского, в стороне от пустынного шоссе, так, чтобы никто не заметил, стояли два черных brutally-квадратных внедорожника. Двигатели машин работали, рядом никого видно не было. Но вот из чащи вышли двое и сразу направились в сторону автомобилей. Дверца одного из них открылась, и навстречу вышедшим из леса людям двинулся человек в черном кожаном плаще. Плащ был длинным, ниже колен, на голове человека была надета кепка, смахивающая на бейсбольную: с длинным гнутым козырьком. Они встретились, когда до первой машины оставалось не больше пяти метров:

– Принесли?

– Обижаешь, командир. На, держи свою бациллу. – Марюта протянул человеку в плаще черную тетрадку. – А ты как там насчет второй половины?

Вместо ответа человек посмотрел вверх деревьев за спиной Марюты и спросил:

– А что там за шум и зарево?

– Да хрен его знает, что там за шум и зарево, – со злой издевкой ответил Марюта, – хорош хлебалом щелкать, давай сперва с тобой про наши башли конкретно перетрем, а уж потом...

– Да не вопрос, мужики, – «плащ» улыбнулся. – Сейчас все получите. Вот я только старшему своему покажу то, что вы принесли. Идет?

– А не соскочишь? – неожиданно подал голос Кыча. – А то вдруг надумаешь на машинах-то р-раз – и голяк. Ты учти, у нас тут места гиблые. На машине можно и

не доехать, куда собирался.

– Да вы чего, мужики? Нам же надо убедиться, что вы принесли то, что нужно было. Я сейчас, только до машины дойду, покажу, и если все нормально, то...

– Не, фраерок. Мы давай-ка с тобой подойдем. Чтобы ты в случае чего не дернулся на взрыв. – Марюта вплотную подошел к «плащу», а Кыча зашел со спины.

Стекло задней правой двери второй машины опустилось. Лица говорившего видно не было, лишь прозвучал его очень низкий, грубый и властный голос:

– Пусть подойдут.

«Плащ» обернулся на голос, закивал и сделал знак уголовникам следовать за ним. Все трое подошли к машине. Человек в кожаном плаще передал обладателю властного голоса ту самую тетрадку, что принесли Марюта и Кыча. Стекло бесшумно поднялось.

Прошло около пяти минут. Кыча нервно крутил головой, Марюта нащупывал в кармане дождевика, надетого поверх ватника, свою заточку, мысленно подготавливаясь к захвату «плаща» в качестве заложника, если, не ровен час, эти «упакованные», с нездешним «акающим» московским говором люди решат сыграть не по правилам.

Наконец повторилось то же, что и несколько минут назад: тонированное стекло опустилось, и тяжелый голос без интонаций сказал:

– Это фуфло.

– Чего, мля?! – Марюта вырвал из кармана руку с зажатой в ней заточкой и наяву воспроизвел придуманный им план захвата «плаща» в заложники, приставив сверкающий отточенный трехгранник к его шее:

– Ты чего, сука, а?! Ты где фуфло видел? Да мы за это фуфло только что божьего старичка порешили, мля! Кыча, дырявь ему макитру!

Человек в плаще вел себя очень спокойно и даже не пытался оказать сопротивление. Кыча встал за спиной своего напарника, в руке его появился неведь откуда взявшийся пистолет. Ситуация была накалена до предела, но в это время голос, тот самый, исходивший от невидимки из второго «Мерседеса», спокойно произнес:

- Подойдите ближе.

Марюта и Кыча против своей воли подошли совсем близко к машине.

- Поглядите сюда.

Уголовники, ослабившись, словно волки, и вытянув шеи, принялись вглядываться в темноту прямоугольника открытого автомобильного окна. Лица их свела судорога, в глазах бушевал ужас, а из перекошенных ртов доносилось сиплое частое дыхание.

- Что ты видишь? - Голос стал еще ниже, словно он состоял из одних только басов. - Скажи мне, что ты видишь?

Марюта замычал, его лицо исказила еще более дикая гримаса, он принялся бить руками по воздуху, словно и не воздух это был, а трясина и он, Марюта, сейчас, задыхаясь, тонул в болоте. Бандит упал на колени, зарычал, окончательно превратившись в животное. Вдруг он бросился вперед, на руки, встал на четвереньки и, пробив головой наст, принялся есть грязный снег. Кыча тонко завыл. Он вертелся на одном месте, как юла, и размахивал своим пистолетом. Несколько раз выстрелил в землю, а затем внезапно остановился и посмотрел на свой пистолет так, словно видел его впервые, а затем засунул дуло в рот и нажал на спусковой крючок. Его бездыханное тело с выбитым пулей теменем упало на землю со звуком мерзлого бревна.

Человек в плаще молча подобрал выпавший пистолет, проверил, есть ли в стволе патрон, и выстрелил в голову Марюте. Бросил пистолет на снег. Подойдя к головной машине, открыл дверцу и быстро забрался внутрь. Словно по команде, у обоих «Мерседесов» включились фары, и, взревев двигателями, автомобили тронулись с места.

Через секунду на поляне остались лишь два трупа – Кычи и его подельника, рот которого был забит нетающим снегом.

3

...В кабинете Германа заканчивалось внеочередное совещание. Уже пятое на этой неделе, а неделя притом только началась. Вторник! За длинным столом для заседаний, который пустовал реже, чем использовался по прямому назначению, сидели шефы крупнейших периодических изданий. Здесь был и главный редактор «Негоцианта» господин Пучкин, и директор-распорядитель «РБХ» господин Гучкин, и президент «Альфа-Медиа» господин Кучкин, и, разумеется, два термоядерно-медийных боеголовы: публицист господин Птичкин и покрытый двухнедельной щечной растительностью ведущий телешоу «Кстати!» господин Мелентьев. Ситуация была беспокойной: после скоропостижной кончины Рогачева его карманные оппозиционеры лишились финансирования и вдруг, неожиданно для всех, в том числе и для самих себя, решили, что они никакие не карманные, а самые настоящие. У оппозиции появились спонсоры, а следовательно, и деньжата, и все эти Емцовы, Огурцовы и Каркаровы вдруг принялись ожесточенно добиваться, чтобы им хоть немного перепало от большого политического пирога, все куски которого, как известно, были давно поделены между... В общем, не важно кем. Как говорится, «эта нога – кого надо нога», так и незачем заострять внимание. Как бы ни шуточны и убоги были попытки бывших рогачевских подопечных заполучить реальную власть, громко шуметь у них тем не менее выходило. Причем так громко, что некоторые особенно пронзительные речи доносились сквозь плотно прикрытые двери наиглавнейшего кабинета, и тогда Геру вызывали на ковер и давали, по его собственному выражению, «откушать царскую фекалию». После таких вызовов Гера, шипя и отплевываясь, летел по кремлевским коридорам, словно ударенный чемпионом мира бильярдный шар, и переводил дух только после того, как попадал «в лузу», то есть в собственное кресло.

Вот уже три месяца Кленовский занимал один из высших постов в администрации, но каждый день давался ему такой большой кровью, словно бы это был год на передовой под непрерывным артобстрелом, так, что и голову поднять не могли – отстрелит начисто. За три месяца Гера изменился до неузнаваемости.

Во-первых, он еще больше похудел. До такой степени, что однажды его спутали с экс-министром чего-то-там Бобченком и не хотели пускать на заседание правительства. Пришлось даже срочно менять гардероб, для чего прямо в Кремль был вызван модельер Букашкин, снявший с Германа мерку, получивший за свою работу предоплату из стабилизационного фонда и укативший собственноручно строчить и кроить костюмы для господина Кленовского. А что? За двести тысяч евро не то что Букашкин, сам Валентино вспомнит молодость и повесит на шею портновский метр.

Во-вторых, Гера стал, по меткому, как всегда, выражению наблюдательного генерала Пети, «зашуганным» и приобрел привычку по-птичьей дергать головой, что сильно смахивало на невроз.

В-третьих, он поседел! Нет, не совсем, разумеется, как лунь, но виски его посеребрило изрядно. Генерал Петя иногда хлопал его по узенькой спине и подбадривал:

– А ты как думал, сынок? Бремя – оно, брат, есть бремя.

Те, кто помнил прежнего Германа, сейчас, встречая его на некоторых шумных мероприятиях или, что чаще, увидев по телевизору, лишь качали головой и цокали языками, мол, «сдал Герка, то ли опять торчит на чем-нибудь, то ли пьет не просыхая». И конечно, были не правы, ибо не в наркоте или алкоголе тут было дело. Гера сох на работе, чувствуя, как все эти бесконечные Кучкины и Птичкины высасывают его нутро, словно пауки высасывают нутро запутавшегося кузнечика, оставляя лишь пустяковую оболочку. Дунь – унесет к чертовой матери, и днем с огнем никто не отыщет.

Незаметно наступил предвыборный год, и Гера иногда завидовал Рогачеву, покинувшему этот суетный мир и оставившему Герману столь беспокойное хозяйство. На смену Ришелье всегда приходит Мазарини, и все, кто при Рогачеве сидел тихо, решили было, что и Герман такой же – инертный, безвольный... Но тут-то они и ошиблись.

Гера через подконтрольные ему ресурсы развернул такую информационную войну с оппозицией, так затянул гайки, что спустя три месяца его прозвали «кремлевским подонком». Вооружившись банальным, но проверенным девизом «Цель оправдывает средства», прикормленная Герой медийная гопота

принялась так поносить любую не идущую с медведем лапа в лапу политическую силу, что у видного оппозиционного деятеля, чей предок писал добрые книжки для детворы, а в перерывах расстреливал кулаков, случилось обширное несварение желудка, а на его почве, кажется, insult. Совещания с «первопечатниками», как называл Гера управляющих крупнейшими многотиражками, и «болтунами», как озвездил он ведущих политических эфиров, были одним из важнейших элементов борьбы, развернутой Герой против тех, кто решил откусить «пирога». На таких совещаниях Гера выступал с предельно жесткими программными монологами, не терпел никаких возражений, стучал по столу тяжелой хрустальной пепельницей, а однажды пообещал, что тот, кто посмеет перебить его, Германа Кленовского, тот рискует получить этой самой килограммовой пепельницей в лоб, невзирая на заслуги. Слово первопечатники и болтуны получали, как правило, в конце совещания и права на собственное мнение не имели. Гера применял тактику «я д'Артаньян, а вы дерьмо», и его боялись. Знали, что обозлить Кленовского означает потерять работу, и, помалкивая, дружно кивали и «внедряли с оптимизмом» Герини задумки.

Лишь к одному человеку из всей этой печатно-трепачной братии Гера благоволил. Фамилия человека была Варенов, и он руководил русской версией журнала «Newsweek». Ранее Варенов был наиболее талантливым телеведущим и фантастическим шоуменом, чей стиль ведения передач теперь жалко копируем многочисленными клонами, но его «отжали» по личному распоряжению «коекого», а Гера с этим вопросом лишний раз перед «кое-кем» появляться не хотел.

«Лишь безжалостно уничтожая противника всеми имеющимися методами, не предоставляя ему ни единого шанса на публичный ответ или, не ровен час, полемику, мы сможем добиться преемственности курса – той задачи, которую ставит перед нами президент и те прогрессивные экономические силы, которые его поддерживают», – говорил Герман, и все слушали его затаив дыхание. Внимали. Вот и сейчас в очередной раз он произнес эту подводящую итог фразу, обвел всех цепким, колючим взглядом, от которого многие из присутствующих покрылись гусиной кожей, и объявил о конце совещания. Каждый из присутствующих посчитал своим долгом перед выходом подержаться за сухую ладошку Кленовского, а когда очередь дошла до Мелентьева, то Гера бросил ему:

– Вы мне нужны. Задержитесь.

Кабинет опустел. Гера встал из-за стола, приоткрыл окно, прошелся по кабинету, не обращая никакого внимания на провожающего его взглядом Мелентьева, и уселся обратно. Закурил, предварительно вставив сигарету в мундштук с антеникотинным патроном. Сердце в последнее время неприятно покалывало, и он решил расстаться с этой восхитительной табачной зависимостью, которую всю свою курительную жизнь считал частью собственного имиджа. В пластыри, иголки и гипноз не верил, поэтому перешел на легкие сигареты и такой вот хитрый мундштук. Это помогало, но совсем отказаться от сигарет пока что не получалось.

– Я попросил вас остаться потому, что хочу услышать эту странную историю именно от вас, как от очевидца.

Мелентьев вскинул брови, очень правдоподобно изображая удивление:

– Я не понимаю?!

Гера исподлобья тяжело поглядел на него и ничего не ответил. Молча снял трубку телефона, который связывал его напрямую с кабинетом генерала Пети, и без предисловий попросил:

– Зайди, пожалуйста, мы вдвоем.

Генерал Петя заявился в несколько затрапезном виде, что было немудрено: на часах время подходило к полуночи, поэтому красные глаза и распушенная петля галстука были вполне естественны для столь позднего часа. Плюс к этому генерал Петя был без пиджака, рукава белой рубахи его были небрежно закатаны до середины запястья, а брюки держались на широких подтяжках. Во рту генерал Петя мусолил окуроч сигары, и весь этот голливудский антураж шел ему, словно грива лошади, то есть абсолютно.

Он кивнул Герману и Мелентьеву. Уселся напротив бородатого телеведущего и положил ноги на стол:

– Герман Викторович, вы нашему другу пояснили, чего от него сейчас требуется?

Герман мотнул головой: «Нет. Не успел».

– Ага. Ну, тем лучше. Валера, ты вроде был на питерском недовольном шествии?

Мелентьев в знак согласия кивнул, а генерал Петя саркастически заметил:

– Вот ведь они какие, звезды голубого экрана-то. Нет бы ответить старику, мол: «Да. Был я там, господин Сеченов». Так нет же! Они кивают. Эх, одно слово, интеллигенция. Ты у нас интеллигенция, да, Валера?

Мелентьев робко пожал плечами, а генерал Петя продолжал измываться:

– А раз ты такой крутой, что не хочешь со мной разговаривать, а предпочитаешь изъясняться жестами, то тебе все равно придется нам с господином Кленовским рассказать, что на этом шествии произошло такого, что заставило тебя распускать сплетни о каком-то там полтергейсте или о чем-то в этом роде. Ты же пойми, Валера. Ты рупор режима, пока, во всяком случае. Тебе в этот свой рупор и шептать лишнего нельзя, а ты с этим Малопольским, да еще в прямом эфире, мол, «толпа словно повиновалась приказу! Невозможно так организовать шествие, не отрепетировав его несколько раз!». Ты чего?!

Мелентьев наконец-то подал голос:

– Вы понимаете, я ведь просто хотел сделать программу интересней. Ну... Вот и добавил «желтухи».

Генерал Петя снял ноги со стола и, облокотившись на столешницу, уставился на телеведущего:

– Ты либо не пуржи, а расскажи, что там было на самом деле, по твоим ощущениям, либо...

– Понимаете, Петр Валерьевич, – зачастил Мелентьев, – я сперва сам ничего не понял. Просто через три минуты после начала шествия я ощутил что-то такое... Я даже затрудняюсь объяснить это на словах...

– А ты попробуй. Язык – это же твое орудие производства.

– Понимаете, меня охватило дикое желание ругаться на чем свет стоит. Причем не просто бессмысленно сквернословить, нет! Вполне адресно произносить непотребщину о президенте, членах кабинета, Госдумы и так далее, словом, обо всех членах партии и правительства. И я готов поклясться, что то же самое почувствовали окружающие, потому что вокруг начало твориться нечто неопишное!!! Все ругали режим на чем свет стоит и делали это перед зарубежной прессой, перед камерами!

Герман ударил кулаком по столу:

– Какой еще прессой?! Было же распоряжение – никаких камер!

Мелентьев усмехнулся:

– Профессиональный хроникер снимет так, что никто и никогда не заметит камеры. Откуда, по-вашему, все эти ролики в Интернете и сюжеты в Си-эн-эн и на Би-би-си. Хорошо еще, что их могут смотреть только обладатели спутниковых тарелок!

– А ролики в Сети мы хакнули почти сразу, – отозвался Гера.

– Ладно, давайте ближе к телу, – генерал Петя бросил свой лохматый сигарный окурок в хрустальную пепельницу. – Так что вы думаете?

– Знаете... Если бы я верил в то, что такое возможно, я сказал бы, что вся толпа, а там было прилично народу, все присутствующие несколько минут словно находились под каким-то массовым гипнозом. И вот именно это было снято и показано в зарубежных сюжетах. А потом словно кто-то р-раз! – и все мгновенно заткнулись. Я помню, как люди с удивлением глазели друг на друга, многие спрашивали: «Что это было?»

Генерал Петя, внимательно слушавший Мелентьева, подмигнул Гере, и тот улыбнулся телеведущему:

– Спасибо за ваш рассказ, можете быть свободны. И пожалуйста, не обсуждайте ни с кем ничего такого... Ну, вы понимаете?

Мелентьев снова кивнул, чем вызвал смешок генерала Пети, опомнился и выпалил:

– Так точно!

– Тогда можете быть свободны, – Герман проводил бородача до двери в коридор и на прощание крепко пожал ему руку.

4

... – Ты мне-то объяснишь, что все это значит? Не люблю быть кисточкой в лапе художника, когда мною рисуют импрессионисты – я их на дух не переношу, так как тяготею к мертвым натюрмортам.

– А ты не боишься?

– Смотря чего?

– Такой правды.

– Петр Валерич, я заинтригован в доску.

– С толпой работал какой-то... Не знаю, как его назвать. Гипнотизер – слишком банально. Маг – это просто детский лепет... Медиум? – генерал Петя немного поразмышлял и ответил сам себе: – Да. Пожалуй, медиум. И сильный, черт его побери. Хотя, – он усмехнулся, – с чертом-то они друзья-приятели.

Герман вставил в мундштук очередную сигарету и прикурил. Сеченов неодобрительно поглядел на него:

– Какого хрена жечь сигареты одну за одной и при этом думать, что не наглотаешься никотина? Ну, выкуришь ты тридцать штук через эту фиговину, а ведь это то же самое, как если бы ты выкурил пятнадцать без нее. Занимаешься черт знает чем... А насчет медиума – это мне хорошая мысль пришла в голову. И

вспомнилось кое-что. И если то, о чем я подумал, правда, мы все рискуем оказаться в заднице.

Геря смотрел на генерала с возрастающим изумлением:

- Вы верите во всякую подобную ерунду?

Сеченов в тон ему парировал:

- А ты хочешь попробовать объяснить произошедшее как-то иначе?

- А почему нет? Ведь существуют технологии проведения митингов, шествий, ораторское искусство, наконец! Все вместе, соединенное в жожах этих непойми-чем-недовольных, запросто может привести к такому результату. Манипуляции людскими массами и прочее... Гитлер же тренировался произносить речи перед зеркалом? Почему не допустить, что какой-нибудь Касякин не занимается тем же самым, стоя нагишом перед зеркалом в своем будуаре, и, втянув дряблый животик, декламирует тренировки ради Маяковского?

- Ты сравнил Гитлера с Касякиным, ха! Гитлер - это, как пишут в твоём любимом Интернете, «аццкий сотона», а твой Касякин - это, - и генерал Петя употребил очень крепкое ругательство. - Нет, тут другое. И надо перестраховаться. Придется тебе завтра рано-рано отправиться в путь и доставить сюда одного интересного человека.

Геря явно не ожидал такого поворота событий и, опешив, не знал, что ему говорить. Наконец выдал:

- Ч-чего? Кого?

Генерал Петя досадливо поморщился:

- Да не перебивай ты меня. Если я разрешил тебе «тыкать», то это не значит, что мы с тобой запанибрата. Обо всем узнаешь - ночь впереди долгая. У тебя еще не появилось никого, кто сейчас греет тебе постель и ждет, когда ее Герочка прикатит со своего ответственного заседания?

– Нет, – Гера грустно улыбнулся, – если только кот. Но ему главное, чтобы миска была полной, а это забота прислуги.

– Тогда тебе предстоит выслушать мой длинный рассказ, а завтра утром отправиться в путь.

– Куда?

– Под Кострому. Человека сюда привезешь так, чтобы ни одна живая душа об этом не узнала. Больше доверить некому, только ты в курсе. Сядешь на корявую неприметную машинку с сюрпризом и вперед: шестьсот верст туда, шестьсот обратно. Заодно проветришься, а то ты скоро сдохнешь от такой работы. Ну что, готов узнать чуть больше, чем просто государственная тайна?

– Я ничего не понимаю, но я как пионер, который всегда готов. Выбора-то нет, – Гера хмыкнул, – а кот перетопчется...

Часть 1. Лица

По отношению к врагу

все дозволено.

Мораль времен Римской империи

О жизнь, нам имя – Вырождение,

Тебе и смыслу вопреки.

Борис Пастернак

Игорь Лемешев. Москва. Начало июня 1992 года

Это лето в Москве было невозможно жарким. Город жил в каком-то сумасшедшем отчаянии, словно весь он был готов вот-вот немедленно сорваться и очертя голову кинуться на вокзал штурмовать поезда южных направлений. Воздух был похож на жидкое стекло. Казалось, прохожие плавали в стекле, отталкиваясь ногами от зыбких тротуаров, а водители с замиранием сердца поглядывали на температурный датчик приборной панели: не ровен час, вода закипит. Впрочем, водились в этом зное и оазисы. Скверики, где под каждым тополем, под каждым детским грибком сидели или полулежали, а то и просто дремали какие-то граждане, которых жара изгнала из квартир, и сил хватило лишь выстоять очередь за – вот чудо! – холодным, непритязательно-разбавленным пивом. Ну и наплевать, что не «импорт баночный», который у кооператоров-ларечников в таком почете. Зато ведь холодное и не успевает нагреться в трехлитровой стеклянной банке с пластмассовой, стибренной из маминых тайников, крышечкой. Мама любила «закатывать» банки. Любила... Уже, к сожалению, в прошедшей форме. Игорю в скверике было удобно. Мог он, конечно, и ларек какой-нибудь осчастливить, прикупив упаковку-другую импортного баночного чуда, но был бы не понят другими обитателями оазиса. А так все выглядело вполне естественно: сидит парень в льняной некрашеной рубахе, во «вьетнамках» на босу ногу, перед ним стоит запотевшая банка, рядом, на лавочке, пачка сигарет, книжка. Сидит, никому не мешает, и банка на треть пустая. Свой человек. Если у прочих счастливыхчиков, которые в разгар рабочего дня посреди недели никуда не спешили и проводили в оазисе все время с утра до позднего вечера, никаких особенных причин для употребления разливного изделия не имелось и они пили его просто так, буднично и скучно, то у Игоря повод был. Он появился в скверике после двух часов дня, а до этого времени, начиная с самого утра, он все еще именовался студентом-выпускником. В двенадцать часов тридцать минут Игорь получил из рук декана результат своих пятилетних трудов – диплом. В двенадцать сорок пять в коридоре, возле аудитории, в которой проходила церемония, его окликнул чей-то знакомый голос:

– Игорь? Вот так встреча! А я смотрю, Андрей Михайлович идет, собственной персоной. Что, думаю, такое? Галлюцинирую от жары? Тебя-то я уже лет семь не видел, а ты прямо вылитый отец стал.

– Здравствуйте, дядя Петя, – Игорь искренне улыбнулся и протянул руку, – я тоже очень рад, что довелось увидеться. Вы какими судьбами у нас на факультете очутились?

– Да так... У меня же тут знакомых много, сокурсник твой, к примеру, Слава.

– Пронин?

– Ну да. Да и с деканом вашим мы заклятые приятели. Я на каждый выпуск прихожу. Люблю поглядеть на будущих азиатско-африканских исследователей. Ты не сильно торопишься?

– Да вроде нет. Диплом получил, теперь можно и отдохнуть.

– Тогда, может, в буфете посидим? Там чего-нибудь холодненького проглотить получится, а? Ты как на это смотришь?

Они спустились этажом ниже и, войдя в помещение маленького студенческого кафе, взяли мороженого, холодных «Ессентуков» и сели за дальний столик.

– Ну, – смакуя солоноватую воду, начал собеседник Игоря, – чем теперь думаешь заняться?

– Да я через три дня к отцу улетаю до конца лета. А там, когда вернусь, может, что-то и подвернется. Сейчас, сами знаете, востоковеды мало кого интересуют. А становиться продавцом или, скажем, бухгалтером мне как-то неинтересно.

– Думаешь по специальности пристроиться?

– Хотелось бы, но тут вновь дилемма: денег за мою специальность не видать будет как собственных ушей. Институты разгоняют, кандидаты наук на рынках граждан обвешивать учатся. Да что я вам говорю, сами небось все знаете.

– Знаю. Глаза же есть, – усмехнулся тот. – Вот только времена – они поменяются. А жить одним днем – это несерьезно. У меня к тебе, между прочим, предложение есть.

– Какое такое предложение? – Игорь подался вперед, ему стало любопытно.

– Перспективное, – отчего-то немного мрачно ответил собеседник, которого Игорь называл дядей Петей.

Игорь внимательно и словно бы впервые окинул взглядом всю возвышающуюся над столом верхнюю часть туловища своего собеседника. Крепкий мужик, друг семьи. Раньше частенько бывал у них в гостях, а потом они с отцом из-за чего-то повздорили. Тема этой ссоры никогда в семье Игоря не поднималась, и внешне все выглядело так, как будто и вовсе ничего и не случилось. Петр продолжал заходить к ним, но число его визитов заметно сократилось, а потом, после смерти матери, отец Игоря уехал в Италию на несколько лет. В служебную командировку.

Игорь родился в семье дипломатов. Его отец был дипломатом, и дед, и прадед, и так вплоть до самых дальних времен, когда страной правили не генсеки или президенты, а императоры, рубль слыл самой сильной валютой на свете, а город Санкт-Петербург был совсем новенький, только что отстроенный, и по его мостовым не хаживала еще нога ни Пушкина, ни Достоевского. Родоначальник фамилии служил в учрежденной императором Петром Первым Тайной розыскных дел канцелярии, был жалован деревенькой, крепостными душами, и сыновья его пошли по казенной части, поступив на государственную службу: старший – по следам отца, уже не в Канцелярию, а в Тайную экспедицию. Младший, получив на то родительское благословение, а «от Государыни Императрицы надлежащее указание, отбыл с посольством к гишпанскому двору».

С тех пор Лемешевы ничем, кроме государственной службы, не занимались. Были в династии и такие, кто послами российскими в чуждалье побывать успели. И ничто из происходившего в беспокойной российской истории этого служения не прервало. Ни октябрьский переворот, ни сталинская топка, пожирившая самых лучших, ни подковерные интриги кремлевских старцев не причинили фамилии Лемешевых ни малейшего вреда. Жили, рожали детей, выводили их в люди и как-то ухитрялись при этом не наживать врагов. Вот и сидевший напротив Петр Валерьевич врагом не стал. Не дай Бог иметь ТАКИХ врагов.

Игорь заинтересовался. Он и впрямь не думал, чем именно займется после возвращения из Италии, понимая, что альтернативы скучной и малопривлекательной работе в Министерстве иностранных дел просто не существует. А в МИД Игорю не хотелось. Категорически.

– Вы что загадками говорите, Петр Валерьевич? Любите секреты? Мне-то они, ваши секреты, ни к чему. У меня к чужим секретам иммунитет: я среди них вырос и привык не обращать внимания.

– Секреты? Да какие тут, к чертовой матери, секреты? Страну до трусов раздели, все наружу. Наоборот... Проблема не в наличии секретности, а в ее полнейшем отсутствии. Ты знаешь, где именно я работаю?

Игорь вежливо кивнул в ответ. Он знал. Тайную экспедицию как ни назови, а людей, ей преданных, ни с кем не спутаешь. И сколько бы ни стремились они быть скромными, серыми, незаметными – именно эта чрезмерная серость бьет их карту, открывая истинную принадлежность к шпионскому сословию.

– Это хорошо.

– Что именно хорошо?

– То, что ты не болтун. У нас болтуны не в цене. Иди ко мне работать.

Игорь растерялся. Он избежал армейской службы, которую заменил месяц военных сборов в одной из подмосковных частей, и все, связанное с ношением формы, присягой и отдаванием чести старшему по званию, не нравилось ему едва ли не сильнее, чем удел министерского референта. Поэтому он пожал плечами, помешал ложечкой растаявшее мороженое и неопределенно ответил:

– Не знаю... Спасибо, конечно, но я так же не хотел бы становиться штатской министерской крысой, как и надеть мундир лейтенанта госбезопасности. Большого, как я понимаю, мне поначалу не светит?

Петр Валерьевич от души рассмеялся. Получилось у него негромко, но очень искренне и не злобно:

– Эх, Игоречек. Какой из тебя, к ляду, лейтенант госбезопасности? Ты для того, что ли, пять лет на факультете в лучших студентах ходишь и считаешься чуть ли не надеждой остатков нашей науки, чтобы я предложил тебе сапогами по паркету казенному скрипеть?

– А что же тогда?

– Послужить своей стране. Вот что я тебе предлагаю. Ты же Лемешев. Не забыл, надеюсь?

– О нет. Все, что касается памяти предков, буквально преследует меня начиная с рождения, так что в плане семейной идеологии я образцовый Лемешев. Хоть мне эта фамилия иногда и жмет, словно не по размеру купленные брюки. Извините за излишнюю откровенность, но какой-то я получился в лемешевской породе не совсем стандартный. Тянет к чему-то такому... Нездешнему.

– То есть? Уехать хочешь?

– Нет, – Игорь помотал головой, – не то. Это словно голос, который хочет сказать, но никак не выберет для себя подходящего рта. И знаете, мне кажется, если дать ему возможность зазвучать, я стану совсем, совсем другим. Не таким, как теперь. Я... Ну, как бы вам это объяснить? Я как будто на пороге, и даже ногу занес для шага, а вот шагнуть боюсь. Вернее, не боюсь даже, а сознательно оттягиваю. Словно понимаю, что если войду, пересеку порог, то дверь позади меня хлопнет так, как это любят показывать в кино: громко и категорично, а ключ окажется забытым по другую сторону. И я еще не понял, хочу ли я этого.

Теперь пришла очередь Петра Валерьевича пожимать плечами:

– Как ты думаешь? Может, нужен кто-то, помочь тебе сделать шаг и придержать дверь ногой, чтобы было больше на жизнь похоже, а не так, как в кино?

– Намекаете на себя?

– Да уж какие тут намеки. Тут прямой текст, без купюр. Я тебе предлагаю пойти работать к нам, в разведку. И для этого вовсе не надо будет ходить строем и жить в казарме. Для этого даже не нужно будет сидеть в Москве, в России и наблюдать, как страна меняется, и, заметь, не в лучшую сторону. Все будет хорошо – это я сильно забегаю вперед, но хорошо будет еще при нашей жизни. Вот только кому-то нужно сделать это самое «хорошо». А делается это не здесь. Увы.

– Если я соглашусь, что именно от меня потребуется?

– Жить и наблюдать, как меняется среда вокруг тебя. Анализировать, собирать информацию, учиться и не пропустить ни одного из тех особенных людей, которые будут появляться рядом. Пусть даже на мгновение. Люди как ключи. Схватил ключ, открыл дверь, поднялся по лестнице до следующей двери, там повторил все то же самое. Нам страну нужно спасти, Игорь. Кто как не ты, не я, не такие, как мы с тобой, сделают это?

Игорь медлил с ответом, да и собеседник явно на быструю реакцию не рассчитывал. Предложение серьезное, как раз тот самый «шаг за порог». Нет уж, тут все надо обдумать, и не одному, а еще и с отцом посоветоваться. Ведь разругались они с этим дядей Петей когда-то. Из-за чего?

– Я должен подумать, Петр Валерьевич. Не обижайтесь, но сами понимаете...

Петр лишь сделал успокоительный жест рукой:

– Я не тороплю. Ты когда к отцу?

– Да вот взял билет вчера. Через три дня самолет. Вернее, и не через три уже, если не считать сегодня. Послезавтра.

– Вот ты и не торопись. Завтра мне твой ответ не нужен. Спокойно слетай к папе, отдохни. Ты большое дело сделал. Пять лет не штаны просиживал, а по-настоящему учился. – Вдруг Петр Валерьевич резко сменил тему: – Как твой урду?

Последний вопрос дядя Петя задал на тарабарском языке, но Игоря этим не смутил. Тот спокойно ответил довольно длинной фразой на том же наречии.

– Молодец. Школа! В общем, ты прилетай и... Мы с тобой еще повидаемся.

Петр Валерьевич взглянул на часы, встал и протянул Игорю крепкую широкую ладонь, навсегда сожженную афганским солнцем до почти что медного цвета:

– Ну... До встречи? Я тут еще немного посижу, у меня дела.

– Да. Всего доброго, и спасибо вам за предложение.

– Себя благодари. Такие предложения каждому встречному-поперечному не делают. Будь здоров.

Игорь выходил из буфета первым и поэтому не мог видеть, как Сеченов, быстрым движением взяв со стола стакан, из которого Игорь за минуту до этого пил «Ессентуки», опустил его в обыкновенный пластиковый пакет, в какой обычно упаковывают продукты...

...Пива в банке оставалось еще наполовину. Книжка перелистывалась не быстро, и за час с сорок первой дошла до шестьдесят восьмой страницы. Игорь читал медленно, и сколько ни старался сконцентрироваться и вспомнить, о чем прочел только что, ничего не получалось. Разговор в буфете не шел у него из головы. А что, в самом деле? Ведь предложили ему не что-нибудь, а настоящую, очень серьезную профессию. Интересную! Авантюризма и острых ощущений хоть отбавляй. От таких предложений ветер в голове, и пиво, пусть и такое вот не хмельное и разбавленное водой, а все же принятию правильного решения не товарищ. Нет. Тут нужен совет отца. Лемешев-старший – аппаратчик с тридцатилетним стажем. Как скажет, так и надо будет сделать.

...Эти трое появились во дворе неожиданно и вели себя так, как будто оказались они здесь не случайно. Игорь, заметив их кряжистые фигуры, отметил про себя, что, по всей видимости, эти бандитской наружности парни явно кого-то ищут. Вся троица была похожа на трехголового дракона-бройлера: явно из криминальных кругов, типы держались очень плотно и словно слились в единое туловище. При этом головы их были повернуты в разные стороны и двигались каждая по определенному маршруту, три пары глаз обшаривали двор, поделив его на секторы. Вдруг одна из голов увидела одиноко сидевшего на лавочке Игоря, и ее обладатель, похожий на борца-«вольника» парень лет двадцати пяти, что-то тихо и коротко сказал своим спутникам. Тотчас дракон распался, и каждый из крепышей, похожих лицом друг на друга настолько, что все они казались однойцовыми близнецами-тройняшками, двинулся в сторону Игоря.

Тот спокойно смотрел на явно недружелюбно настроенную компанию, но никакого беспокойства не проявлял. Взгляд его стал неподвижным: Игорь словно глядел сквозь опасных с виду пришельцев, и казалось, что взгляд его простирается так далеко, словно бы и не было вокруг домов-многоэтажек, сам

Игорь сидел сейчас не на лавочке московского дворика, а стоял на холме и глядел вдаль. Туда, где в тысяче километров от него сходятся небесный свод с землей, рождая линию горизонта.

Тем временем трио подошло вплотную к лавочке, а тот самый «вольник» наклонился и поднял с земли стеклянную банку с остатками пива.

– Слышишь, ботаник, – обратился тот к Игорю, – как пивко-то? Не сильно мочой разбавленное? Пить пацанам не запахло?

Игорь, все еще глядя мимо них, не ответил. Перед его глазами вдруг появилась совсем другая картина, и не было на ней московского дворика. Он видел лишь бескрайнее море белого песка и на нем черные, сожженные солнцем камни. Со стороны казалось, что Игорь полностью погружен в свои мысли, не услышал вопроса, и вместо ответа он лишь слегка улыбнулся.

– Э?! Ты чего лыбу давишь?! Отвечай, когда к тебе нормальные люди обращаются! Забурел, что ли?

Игорь, все так же ни слова не говоря, поднял на уровень глаз правую руку ладонью вверх так, словно хотел что-то попросить у хамоватого, похожего на борца парня, державшего в руках его, Игоря, банку.

– Что видишь? – Игорь спрашивал, обращаясь ко всем троим и в то же время к каждому в отдельности. Каждый из них, одновременно приняв этот вопрос на свой счет, словно по команде молча уставился на ладонь Игоря. Их лица из спокойных, даже наглых, менялись на глазах. Черты заострились, рты искривила судорога, глаза налились кровью и вылезли из орбит. Вены на лбах и шеях вздулись. Какое-то время, буквально несколько секунд, ничего не происходило и все продолжали молчать, но вдруг тот, что был слева, рослый парень, неожиданно не вскрикнул даже, а пропищал:

– Не надо! Пожалуйста, не надо так делать! Очень больно!

– Что ты видишь? – бесстрастно повторил Игорь. – Скажи мне, что ты видишь, и можешь уходить.

С незваными гостями стали происходить очень странные вещи. Тот, что был выше всех ростом, закрыл глаза руками и зарыдал, борец-«вольник» принялся буквально грызть кисть собственной руки и очень скоро прокусил кожу насквозь так, что на месте прокусов выступила кровь, а реакция третьего выразилась в том, что он сел прямо на землю и, загребая ее ладонями, принялся запихивать в рот все, что ему удалось подобрать с земли: прошлогоднюю сухую листву, окаменевшие от времени окурки, двухкопеечную монетку...

Игорь равнодушно наблюдал за картиной этого внезапного группового помешательства некоторое время, а потом резко перевернул руку ладонью вниз и сделал такой жест, как будто он что-то стряхивал. Шпана словно по команде очнулась и принялась испуганно осматривать друг друга:

- Вова, ты чего это разнылся?

- А ты мясца захотел, Павлик? Руку сам себе почти отгрыз!

Вдруг оба они резко повернулись к тому третьему, который ползал по земле на четвереньках. Его страшно рвало, просто выворачивало наружу. Злобно и испуганно оглядываясь на Игоря, с растерянным выражением лица будто приросшего к скамейке, длинный и борец подхватили объевшегося мусором товарища под локти.

- Извини, землячок. Рамсы попутали, - угодливой скороговоркой проговорил борец-«вольник». - Расход по мастям. Идет?

- Идет, - эхом повторил Игорь.

Шпану словно отпустило после его слов. Все трое со спринтерской скоростью побежали в сторону подворотни, и через мгновение уже ничего не напоминало об их недавнем присутствии. Игорь, с которого будто спало наваждение, провел рукой по волосам и потряс головой:

- Глюки у меня, что ли? Или дури в пиво подмешали?

Он опасливо отставил банку в сторону, взял с лавки книжку, запихнул в задний карман джинсов пачку сигарет и медленно поднялся. Посмотрел по сторонам и,

с трудом передвигая ногами, побрел к своему подъезду. Со стороны можно было подумать, что идет больной старик. Игорь и впрямь с каждым шагом чувствовал себя все слабее и слабее, и главным его желанием стало поскорее принять горизонтальное положение.

Он не заметил двух мужчин, силуэты которых скрадывала тень подворотни. Все это время, начиная с момента появления во дворе троих гопников и заканчивая финальной картиной их позорного бегства, эти двое очень внимательно наблюдали за происходящим. Ни один из них не проронил за все время ни единого слова, и лишь когда пошатывающаяся фигурка Игоря скрылась за дверью подъезда, один из наблюдателей наконец нарушил молчание:

– Ну, теперь убедился? Говорил я тебе, что это самая лучшая кандидатура. Ты где-нибудь такое видел?

– Да, Петр Валерьевич, впечатляет. Ничего не скажешь. Когда у него самолет?

– Послезавтра. Я вылечу сегодня, ночным рейсом. Постараюсь убедить Андрея. Здесь все должно быть сыграно как по нотам, а без его помощи у нас ничего не выйдет.

– А он согласится?

Тот, кого звали Петром Валерьевичем, недавний застольный собеседник Игоря, устало потер переносицу и спокойно ответил:

– Должен. Никуда он не денется.

Авель. Тульская губерния. 18 марта 1757 года

Как никудышной была деревенька Акулово, так никудышной и осталась. От самой Тулы до нее сто верст до небес, и все лесом. А которые не лесом, те полем, да по такой грязи, что иной раз лошаденку жалко. На этакой дороге если увязнешь, то и шестеркой лошадей телегу не вытащить, что уж от одной-то хотеть. Ну, да ничего, чай, не баре. На кого мужику надеяться, как не на самого

себя?

Василий спрыгнул с телеги и сразу почти по колени провалился в жидкую дорожную грязь.

– Ястри тя, – добродушно в бороду выругался он. – Вот же развезло рано об этом годе окаянную дорогу.

Держась за край телеги и задирая колени чуть не к самой груди, добрался до лошаденки, потрепал мокрую, спутанную гриву:

– Нешто, Малка, счас-ка вот я тебя...

Отстегнул упряжь, левую оглоблю, скинул на сторону правую, ту, что с хомутом. Взнуздal, взял кобылу под уздцы и вывел ее на узкую крепкую обочину. Телега по такой не пройдет, а верхом-то в самый раз. Смеркается уже, да и дождик заладил, а до дома еще верст пять. Дома Ксения, жена, вот-вот родит. Днями бабы, те, которые всюду свой нос любопытный суют, так и сказали:

– Гляди, Василий, у жены твоей уж и живот опустился, ей-ей родит – не сегодня, так завтра. За бабкой поезжай, в Редькино, не тyani, а то как бы греха не случилось.

Повивальной бабки в Редькине не оказалось. Померла аккурат вчера. Как сговорились, ей-богу. На обе господина Нарышкина – дворянина высокороднейшего – дальние деревеньки некому у бабы родов принять. Тьфу ты...

Телегу Василий так и оставил. Обращаясь к умной Малке, которая даром что кобыла, а все ж была самой доброй слушательницей из бабьего сословья, потому как не перебивала, сказал:

– А пущай стоит! От князя за подушной податью приедет приказчик, так тот уж мою телегу из грязей и вытащит, вокруг небось не попрет, забоится. С ним охрана, молодцы крепкие, которые государев хлеб круглый годик лопают, на руках мою телегу снесут да и скинут на бок, а я потом с тройкой вернусь и к себе на двор оттащу.

Малка резво припустила к дому. Почуяла скотина, что вскоре ждет ее родное стойло и охапка сена – то-то радость лошаденке. Василий держал поводья лишь для виду: кобыла сама выбирала место, где покрепче, шла ровно и дорогу знала не хуже хозяина. Он прикрыл глаза и даже задремал.

Вдруг лошадь неожиданно встала, Василий открыл глаза и вначале ничего не понял: нет вроде ничего впереди, а кобыла стоит и, видать, идти дальше ни в какую не собирается.

– Эй, Малка, ты чего? Н-но!

– А вот ты постой, касатик, кобыла-то твоя поумнее будет, – голос откуда-то сбоку был хоть и скрипучим, да не противным, и принадлежать мог только старушке, каковая и объявилась невесть откуда, словно вынырнув из-под конской головы.

– А ты кто такая будешь, старая? – Василий не испугался и сразу приметил, что бабушка одним только видом своим на его вопрос уже и ответила. Монахиня, черноризица. Клобук простой, в чреслах веревкой перевязанный, кацавейка для тепла крест-накрест поверху да за спиной на двух петлях плечных мешок с пожитками.

– Нешто сам не видишь, – с легкой укоризной ответила старушка, – раба Божья, сестра Христова, а нарекли при постриге Агафьей.

– Куды ж тебя, Агафья, ноги ведут? Странствуешь разве? – участливо осведомился Василий.

– Да уже и привели. Жена твоя сегодня разрешиться должна от бремени своего, вот меня вспомочь и прислали. – Агафья сердито поглядела на него. – А ты, ровно истукан вавилонский, верхом сидишь, а мне и руки не предложишь.

Василий устыдился. Спешился, помог монахине поставить в стремя ногу, посадил ее, почти невесомую, а сам взял Малку под уздцы, пошел вперед.

– А кто ж тебя, матушка, прислал? Кто велел ко мне на двор идти? – Василий словно спохватился, стал задавать вопросы.

– Да ты, чай, не в пустыне живешь, а среди православных людей. Монастырь отсель в тридцати семи верстах. Вчера из Акулова три женщины пришли на богомолье да рассказали, что повивальной бабки у вас нету. Вот меня матушка игуменья и послала.

Василий кивнул: мол, понятно.

– А ты разве знаешь, как там...

– Чего «как там», охальник ты мужицкий? – цыкнула на него Агафья сверху. – Про то всем бабам ведомо, а тебя сие не касается.

Василий, однако, слыл балагуром, упрямым и просто так сдаваться не хотел. Да и пути оставалось версты три, не молчать же:

– А раз ведомо, отчего ж повитухи есть? Тогда пушай кто хошь из баб друг дружку от тягостей избавляют.

– Ведомо-то ведомо, – неожиданно миролюбиво согласилась Агафья, – да только не каждая на такое дело способна. Тут храбрость нужна и благословение. А роды у твоей жены только я, слуга Божия, могу принять.

– Вона! Это еще почему такое?

– Поживешь с малость годов и сам поймешь, слова мои вспомнишь. А боле я тебе ничего не скажу, покуда не свершится, – торжественным голосом закончила Агафья, – шагай поживей, чай, не старик. Время нам дорого, поспеть надо.

...К деревне подъехали уже на закате. От самой околицы бежала навстречу соседская девчонка, Лушка. У Василия душа ушла в пятки:

– Чего?! Чего стряслось?!

– Ой! Ой, дядя Василий, – по-взрослому запричитала Лушка, – у супружницы вашей уже началось. Вот-вот родит. Мать там моя с ней и попадья пришла. Умиряют, чтобы вас дождалась.

Василий молча стащил с лошади легкую, будто стожок соломы, Агафью и, как был с нею на руках, ринулся к своей избе. Успели они как раз ко времени.

...Рожала Ксения тяжело. Ребенок шел вперед ногами, и, не случись на пути Василия чудесной черноризицы, потерял бы он в ту ночь любимую жену. Сам Василий был Агафьей выставлен из избы вон:

– Не мужицкое это дело – на бабьи корчи смотреть. Снадобишься, так позову, а до той поры и носу не кажи.

Василий топтался на дворе, маялся. По крестьянской привычке просто так стоять, безо всякого дела, не мог, взял было топор, хотел поколоть дрова, да все из рук валилось.

Василий задрал к небу подбородок, размахисто перекрестился раза три, помолился за жену, чтобы полегчало ей.

На небе враз сделалось беспокойно. Лишь только была луна кругла-полнешенька, но вот уже, откуда ни возмись, напоззли черные тучи, стало и вовсе темно, хлынуло с неба, и затрещал вверху гром: «Свят, свят, свят». Не успел Василий перекреститься, как ударила вниз молния. Да так ярко, что глазам стало больно. От неба до самой земли пронеслась и точнехонько угодила прямо в амбар. Ах ты, господи! И жена, бедная, мучается: слышно, как кричит, и амбар с крыши задымился. Куда бежать в первую голову – непонятно.

Народ в Акулове жил не то чтобы очень дружный, но в беде не бросали, а уж ежели, не дай Бог, приключался пожар, то сбегались все. Так и в этот раз: помогли, почти целым амбар остался, а крышу свежей дранкой перелатать – большой силы не надо. Хорошо, дождь всю неделю лил, бревна промочил, из которых амбар был накатан, вот и не занялось быстро. Дым один.

Василия сзади окликнул дед Макар, у Петра Великого еще в солдатах служивший.

– Чего тебе, деда?

Макар пальцем корявым важно погрозился. Так прямо Василию и сказал:

– Чуда жди, Васька. Спроста огонь с неба человек не метит.

Только сказал, уже и Агафья из избы на двор бежит.

– Что?! Как?! Ксения! Здорова ли?!

Устало отмахнулась, перекрестилась сама и Василия на четыре части щепотью полоснула:

– Все слава тебе Господи. Я уж думала, помрет малец твой: вышел-то весь синий, пуповиною удушенный. Я ему выю ослобонила, да все едино не дышит. На ладонь к себе животом положила и по спинке его глажу, а сама молюсь. Тут как жажнуло громом, и вот как только вдарило, он и очнулся, сердешный. Сын у тебя. Иди к жене-то, подойди. Крепкая она у тебя, что сдюжила...

...Сына Василия нарекли в честь отца, Василием Васильевичем, и не было во всей округе никого, кто был бы настолько «не от мира сего», насколько этот чудом выживший и спасенный невесть куда пропавшей повитухой-монахиней отрок. Набожен был с раннего детства, на ночь клал под образами поклоны, часто раздумывал о чем-то, а окликнешь его, так насупится и все молчком. В десять лет заявил отцу-матери:

– Пустите в монастырь Алексеевский, не по мне это – в миру быть.

Василию-отцу его слова не по сердцу пришлись. Хозяйство за эти годы он нажил большое, а детишек по дому девять человек бегало. Васька – старший сын, отцу главный помощник. На него и землю, и все хозяйство думал отец оставить. Случись что – старший сын вместо отца всей семье кормилец.

– К монахам собрался? На крестьянском поту да на костях оброк собранный прожирать да пузо нагуливать? Ну, я блажь-то из тебя выбью и к труду мигом приспособлю. Сдергивай портки! Выпорю, так небось лень монастырская прельщать перестанет.

«Лень» проходила. Правда, ненадолго, и бывал Василий Васильевич бит отцом часто. Веры своей он от того не оставил, а, наоборот, в ней окреп. В свободное время ходил к местному акуловскому священнику, учился грамоте и к

тринадцати годам складно читал Писание и псалмы, а в пятнадцать прирастал сам букочки выписывать. Отец был мужиком неграмотным, занятий старшего сына не одобрял, твердо решив женить Ваську, как только исполнится тому семнадцать лет.

– Женится, свои дети пойдут, за хозяйством присмотр понадобится, так уж и от книжек своих поповских отвернется. Не до них станет, – по-мужицки просто рассуждал Василий-старший.

...Весною одна тысяча семьсот семьдесят второго года просватал отец Василия за четырнадцатилетнюю дочку такого же, как и сам он, коновала из соседней деревни. Звали девушку Анастасией. К тому времени избу Василий-старший перестроил, сделал хороший пятистенок, и молодым отвели отдельную горницу: по тем временам дело невиданное, только у зажиточных мужиков и водившееся. А еще через четыре года прижили молодые троих сыновей. Отец нарадоваться не мог: мужские руки в хозяйстве – самая великая важность. Василий-старший строил планы на будущее, копил денюгу, полученную от частой торговли в базарные дни по соседним селам кониной да хлебом, и думал старшего сына от себя не отпускать, чтобы все в одну мощну стекалось, то бишь к нему самому.

Василий-сын отцовских планов чурался. Да и к жене своей, к деткам особенных чувств не питал. У отца в доме жить было похлеще, чем на каторге. Вставали в четыре утра, работали до черной ночи. О спасении души думать было некогда. Тут не душу в чистоте да в благости удержать, тут бы ног не протянуть от такой работы. Василий-младший плотничал, работал на отходном промысле и в Акулове появлялся редко, не чаще двух раз за год. Раз в Кременчуге, при устройстве потолка в местном храме, упал с двадцатиметровой высоты спиной навзничь и полгода прохворал, несколько раз находясь на пороге смерти.

Именно тогда, в болезненном бреде, он увидел сон. Вокруг небо со звездами и солнцем, по воздуху идет старец. Подходит к Василию и протягивает ему какую-то книжку.

– Что это, старче? Кто ты? – Василий бредил, слова, слетавшие с его губ в яви, были неразборчивы, но там, во сне, его слышали:

– Отныне быть тебе пророком в своей стороне. За то муки примешь и страсти, а все по-твоему станет, как ты скажешь. За это и будут гнать тебя и звать

сызнова. Имя свое переменишь, назвавшись в честь первого невинно убиенного. А себя тебе не назову до срока. Свидимся еще. – И таинственный старик исчез, перестал сниться, а Василий с той поры пошел на поправку и через три недели встал на ноги. Сна он не забыл и спустя месяц вновь вернулся в родную деревню.

Дальше больше, и замыкался Василий Васильевич в себе все чаще и чаще. Уйдет один куда-нибудь, и не докличешься его. А сам ляжет в стог, смотрит на небо и молчит. Спросит кто-нибудь:

– Что замыслил?

Ответит:

– С Богом говорю. Бог меня к себе зовет, чтобы я его именем людям пользу приносил, упреждал, о будущем рассказывал.

В деревне за такое поведение прозвали Василия Васильевича «ковыркнутым». Идет он по деревне, а ему в спину шепотком:

– Вона, ковыркнутый пошел.

А он и ухом не ведет. Знай бормочет себе что-то под нос.

...В году одна тысяча семьсот восемьдесят пятом, на Троицу, решился. Пошел он тайно к речке, снял одежду, какая была, рядом ее чинно разложил на берегу, взял узелок с запасной рубахой и портками, в речку зашел, переплыл ее, одной рукой загребая, на другом берегу переделся да и пошел себе вперед, не оглядываясь. В реке его долго искали, да решили, что течением далеко снесло. Так его и отпели всей деревней. «Одежа на берегу, а самого нету, значит, утоп. А раз так, то упокой Господи душу усопшего раба твоего».

И пошел наш Василий лаптями версты мерить. Скитался, подаянием кормился, что добрые люди жертвовали, и так дошел до самой столицы Российской, города Санкт-Петербурга. Справился, где дом барина, князя Нарышкина, и, явившись к тому на двор особняка на Английской набережной, попросил его принять.

Нарышкин пребывал в благодушном настроении и со своим акуловским крепостным мужиком пожелал встретиться.

– Кто таков?

– Васильев, плотник.

– А звать как?

– Василием.

– Чего же тебе надобно, Василий Васильев, что ты ко мне из самой Тулы добирался? Али на приказных моих жалобу имеешь?

– Нету у меня жалобы, барин, да и сам я жалобщиком отродясь не был. А дай ты мне вольную, вот зачем я к тебе, – Василий опустил голову в ожидании отказа.

– Однако! – Лев Александрович Нарышкин от такой наглости мужицкой изумился до крайности. – Да ты, как я погляжу, то ли глуп, то ли смутьян?

– Не смутьян я, – мотнул головой, – а о том, каков я умен, людям судить. Сам я раб Божий, обшит кожей и к Богу стремлюсь, ан не дают мне.

– Ежели я всем, кто к Богу стремится, буду вольную давать, то мне служить некому станет. Зря ты пришел, мужик. Возвращайся назад.

– Барин, – Василий упал на колени, – не откажи. В другом себя искать намерен, жизни людские вижу наперед, как о том в видении было, когда в Кременчуге помирал. За то меня и отпустили, болезнь отвели. А не выполню, как наказывали, преисполнится земля Русская горем.

Нарышкина, его императорского двора обершталмейстера, наследника одной из старейших дворянских фамилий, как и всякого аристократа, такая непосредственность рассмешила.

– Так ты у нас за пророка? Навроде Илии аль Кассандры троянской? Сведать желаю, каков ты пророк. А ну-тко скажи мне: вот я утерял камзольную заколку

бриллиантовую. Весь дом перевернули, а той заколки не сыскали по сию пору. Так, может, ты ответишь, раз тебе многое ведомо, где она?

Василий дерзко глянул на барина:

- О мелочах не предсказываю. Так же и Иисуса-спасителя к мелочам сатана искушал!

Нарышкин побагровел:

- Что-о-о! Так ты, безумный, еще и предерзлив! На конюшню, под вожжу захотел, на порку смертную?!

- Нет. Я за вольной пришел. А коли скажу, где твоя потеря, отпустишь меня?

- А вот ты вначале скажи.

- У жены она лежит чужой, с которой ты, барин, в гостевых связях состоишь. А лежит она отдельно, и о том никто не ведает. В ее дому, под половицей закатилась, там, где вы говорили последний раз.

Нарышкин от удивления раскрыл рот. О его связи с женой дворянина Ищеева доселе никто не знал, и даже сплетен при дворе о том не ходило, а тут... И ведь был он в прошлую пятницу в доме ищеевском, покуда самого хозяина не было дома. И в спальне раздевался, а после одевался второпях... Вдруг правда?

- Откуда тебе ведомо сие?

- Мне, барин, многое ведомо. Пусти ты меня.

Нарышкин решился:

- Пошлю вот человека с именной запиской туда, где ты указал. Пусть поищут. Найдет, так дам тебе вольную. А не найдет, прикажу запороть тебя до смерти.

- На то твоя воля хозяйская.

Брошь-заколка, подарок императрицы Елизаветы предку Нарышкина за то, что поддержал ее восхождение на престол да в том поучаствовал, нашлась в спальне изумленной Наталии Ищевой аккурат за половицей. Нарышкин, вертя в руках доставленную пропажу, раздумывал. Чудо явил ему крепостной, так зачем его отпускать?

– Останься при доме. Во всем не будешь знать недостатка.

Василий отказался. Твердо заявил:

– Не тебе мне, барин, служить, но единому Богу, и волю его говорить человеку, им избранным, помазанным.

Услышав про «помазанников», Нарышкин призадумался и от греха в тот же вечер дал Василию Васильевичу, плотнику из Акулова, вольную грамоту.

Тот вскорости прибился к богомольцам-странникам. Тяга к хождениям у него была великая, и, увидав бредущих по дороге скитальцев, Василий спросил:

– Куда путь держите?

– Во завершении сего в святую землю Валаамскую, в Афон северный, к Сергиевым мощам приложиться, – ответили ему, – а нынче по монастырям, по святым местам русским ходим, везде веру русскую славим.

– А возьмите и меня с собой.

– А ты кто будешь? Из беглых?

– От мира я беглый. Бога ищу. А от барщины постылой вольный человек. – Василий смущенно ждал ответа, волновался. Богомольцы недолго посовещались, попутно оглядывая его.

– Тогда тебе с нами по пути станет, добрый человек, – один из паломников протянул руку. – С нами не пропадя, до Валаама самого и дойдешь, а там и Бога сыскать не трудно, на святой земле до него близко.

Путь до северного Афона, коим издревле, еще с десятого столетия, именовали Валаамом, растянулся у Василия на долгих три года. По русским землям, и тогда уже стараниями императоров российских великим и необъятным, всегда много народу странствовало. Куда идут? Что за люди? Кто ж его знает, а вот только раз идут, то надо им. Может, Бога ищут, а может, и лиха... К таким вот, которые Бога-то искали, Василий Васильевич и прибился. Был он мужиком крестьянским, плотничал, грамоте был обучен и странникам сгодился. Все, что удалось в пути увидеть, Василий записывал «в листки», а те листки носил с собою в мешке. Бумагу выпрашивал он в приходах, которые на пути попадались. Настоятели давались диву, что грамотный, и бумагой охотно делились. Так за три с лишним года исходил он Российской империю от Херсона до Урала и много чего повидал, а что повидал, про то в листках все было записано, да и в памяти еще больше осталось.

Наконец по прошествии трех лет, в конце одна тысяча семьсот восемьдесят девятого года, по окончании путешествий своих добрался он до Валаама и, принявши в монастыре постриг, с благословения отца настоятеля нарекся Авелем.

Герман. Москва. Март 2007 года

Около пяти утра, когда солнце было где-то далеко и обещало появиться много позже, генерал Петя, которого, казалось, не могло победить ничто, даже бессонница, и Герман, откровенно клюющий носом, а в перерывах бодрствования кривившийся от боли в затылке, закончили свой разговор. В то, о чем рассказал Сеченов, не хотелось верить, словно в досадную, но объективно существующую неприятность, появившуюся в довесок ко всем остальным проблемам и неприятностям в стиле «ну вот, еще и этого не хватало». Гера называл свою деятельность не иначе как борьбой за будущее, не уточняя при этом, о чьем именно будущем идет речь. Но когда он произносил этот категоричный лозунг с трибуны во время партийных митингов, перед телекамерами или в кулуарных беседах с чиновничеством и генералами бизнеса, то всякий слушатель понимал мгновенно и никто не требовал пояснений. Для каждого из партийных бонз, чиновников и денежных мешков это будущее рисовалось прежде всего как собственное, личное, а уж из множества этих индивидуальных ручейков надежд и чаяний нынешних хозяев России и возникало мощное течение под названием «преемственность курса». Всем им

было чего опасаться, за что бороться всеми средствами, которые только можно было купить за деньги. Казалось, что ничто на свете не способно помешать «борьбе за будущее» в конце концов благополучно окончиться, а самому будущему, такому стабильному, благополучному, желанному, наконец наступить. И в этом будущем, согласно чаяниям всякой власть предержащей братии, окончательно, на законодательном уровне сформировалась бы некая прослойка неприкасаемых, на манер нынешних депутатов-сенаторов, оберегаемых от смешной, дураками и завистниками придуманной несурзости под названием «закон».

В самом начале своей кремлевской карьеры Герман любил погулять по этажам Госдумы: и старого, бывшего когда-то Госпланом СССР здания, и нового, выстроенного за ним, куда из бывшего Госплана вела широкая застекленная пуленепробиваемым стеклом галерея. По Госдуме он гулял, словно по оранжерее с ядовитыми растениями или дендрарию, но опасаться в стенах дендрария было нечего, так как вид, населяющий его, своих представителей не жалил ввиду бесполезности этого занятия. Ведь яд одного, скажем, каракурта на другого такого же никогда не подействует.

Для «думцев» Гера был кем-то вроде бога в крылатых сандалиях, перелетевшего через Александровский сад, Манежную площадь, Охотный Ряд и сошедшего к ним в сиянии нимба федеральной святости и исполнительной непогрешимости. Он прогуливался по широким лестницам, бывал на заседаниях, посещал уборные и всюду видел заискивающие улыбочки и слышал льстивые словечки. Те, от кого еще так недавно он был далек, словно Жмеринка от Москвы, теперь стали для него кем-то вроде его личной банки с пауками. Вот она стоит себе спокойно на полке в темном углу, но стоит взять ее да как следует потрясти, как среди пауков начинается паника, они карабкаются один через голову другого, не понимая, что лучше, чем в банке, где они сидят все вместе, им нигде не будет. Вне прозрачных пуленепробиваемых стенок их всех передавят поодиночке, ибо паук хоть и тварь божья, но все же премерзок, и все, на что он может рассчитывать в условиях сурового российского климата, так это на подошву шахтерского ботинка или каблук профессорской туфли. Никто не любит пауков, поэтому за них голосуют. Пусть лучше они живут себе в своей банке, стоящей в темном углу, и делают там все, что придет им в голову.

Вот и получалось, что всему этому будущему был поставлен довольно серьезный, если выражаться шахматным языком одного из лидеров оппозиции, шах. Причем белые, которые его получили, знали лишь о самом факте его

наличия. «Да, нам поставили шах, но кто именно и как следует пойти, кем заслониться, для того чтобы следующим ходом черных фигур, которых видно не было (чересчур большая доска), не был бы мат без возможности по-пацански договориться и переиграть партеечку». Ясно было, что отбившиеся от рук рогачевские питомцы, помимо хорошего финансового «взгрева», происхождение которого четко прослеживалось от северо-американского континента до их черной кассы, заполучили в свой наступательный актив нечто, обладающее сильнейшей убойной силой. Нечто, чего нельзя было ни увидеть, ни услышать, какую-то силу, энергию, флюид, который мог воздействовать на сознание заполоненных народом площадей и обращать это сознание в ненужное для того, частью чего стал Гера, русло. Сейчас, после неоспоримого доказательства этого непонятого пока и оттого пугающего своей непонятной природой явления, срочно нужно было предпринимать какие-то меры. Действовать на опережение, увы, не получалось. Генерал Петя закончил свой длинный рассказ в собственной особенной манере:

– Так что, Гера Викторович, первую шайбу мы с тобой просрали, а нам такой хоккей не нужен, сам понимаешь. Нужно действовать так, чтобы не пришлось опять жечь Москву вместе с тараканами, как при Наполеоне Батьковиче, мы сейчас в другую эпоху живем, да и не гуманно это – тараканов палить. У них везде защитники найдутся. Сразу вой поднимут.

Гера подавил зевету, помассировал ладонью затылок и устало спросил:

– Я уже ничего не понимаю. Какие тараканы? Какой Наполеон?

Генерал Петя снисходительно похлопал его по спине и пружинисто встал из-за стола. Прошелся по кабинету, подошел к пульту управления климатической установкой и включил вытяжку. Сизый табачный дым, висевший в кабинете, стал лениво рассеиваться.

– У тараканов появился вожак, вот я о чем тебе говорю. Ты что, эзопов язык не понимаешь, политработник фигов?

– Ах, вот ты о чем... Тогда понятно. Я, если честно, сплю на ходу и скоро не то что эзопов, а родной язык перестану понимать. Кстати, а где сейчас этот Игорь?

Генерал Петя нахмурился:

– Кто его знает... Где-то, наверное, есть. Во всяком случае, я ничего о нем не слышал с девяносто второго года. Пропал человек с концами, а большие надежды подавал. Как-нибудь расскажу, когда время будет. – Он взглянул на часы. – А ты собирайся. Переоденешься в мирское платье, джинсы и пальтишко позадрипанней. Ни к чему букашкинскими костюмами внимание привлекать. Потом тебя Пашка, мой шофер, отвезет к станции метро «Боровицкая». Спустишься в метро, проедешь до «Савеловской» и поднимешься наверх. Там возле вокзала стоит «уазик» с тверскими номерами, ключи вот, – он через стол передал ключи Гере. – В бардачке карта, там весь твой маршрут очень подробно нарисован, не ошибешься, да и позвонить сможешь, если что. На тебе телефон, со своего звонить не вздумай. Я слух распушу, что ты заболел и разговаривать не можешь, вроде как режим у тебя такой. Когда прибудешь на место, ты...

– Погоди-ка! Так на кой черт мне куда-то ехать?! Ты можешь внятно объяснить, что от меня требуется?

– У тебя внешность безобидная. Приедешь ты один, без кофты. Так что он тебя испугаться не должен. Попросишь его поехать с тобой. Только сделай это так... повежливее. В общем, придется тебе проявить свои дипломатические способности в очередной раз. И учти, если ты его разозлишь, то он тебя землю жрать заставит. Помнишь, о чем я тебе недавно рассказывал? Пойми, что сейчас привлекать к этому делу посторонних – значит все испортить. Со мной он точно никуда не поедет, а с тобой наверняка. Мне почему-то так кажется, во всяком случае. Если ты его не привезешь, то много крови прольется, Гера. А так он нам сможет помочь найти этого гада, который народ мутит. Без него мы с тобой никого не найдем.

Петр Сеченов. Рим, виа Клиттуньо, 46. Особняк торгпредства России. Июнь 1992 года

Петр Сеченов прибыл в Рим регулярным рейсом «Аэрофлота» утром следующего после встречи с Игорем дня. Пассажиров с фамилией Сеченов на рейсе зарегистрировано не было, а в кармане пиджака Петр Валерьевич имел служебный паспорт сотрудника торгпредства по фамилии Панин. Спустя час после посадки начальнику – резиденту российской разведки Андрею Лемешеву – сообщили, что с ним хочет срочно переговорить только что прибывший из

Москвы сотрудник центрального аппарата. Андрей Михайлович попросил проводить гостя в свой кабинет, и спустя минуту они пожали руки, как и подобает старым знакомым, – крепко и с искренней радостью. Однако Лемешев-старший прекрасно понимал, что визит Сеченова – это событие экстраординарное, и после того как его неожиданный гость начал говорить, понял, что в своих предположениях не ошибся.

– Я к тебе, Андрюша, по большому и срочному делу. Как видишь, пришлось даже использовать официальный канал, не было времени подготовить надежную «липу».

– Я и удивляюсь, Петя. Канал теперь засветят. В ЦРУ будут знать, что ты появился сюда по документам сотрудника торгпредства, уже через сутки. – Он взглянул на часы. – Даже меньше чем через сутки. У итальяшек отлично налажена связь с «большим братом».

– Еще раньше. Ничего не оставалось делать. Завтра здесь будет твой сын, а он не должен знать, что мы с тобой встречались.

Лемешев помрачнел. Побарабанил пальцами по крышке стола, отчего раздался звук, похожий на пущенную в ускоренном темпе фонограмму лошадиного бега.

– Ты опять за свое? Петр, мы ведь говорили с тобой как-то раз и на весьма повышенных тонах. Я и тогда тебе сказал, и сейчас повторю: не впутывай моего парня в это дело. Он у меня единственный сын, и я не хочу, чтобы с ним случилось то, что может случиться.

Сеченов, очевидно, не планировал воздействовать на своего приятеля уговорами. Он просто посмотрел тому в глаза и спокойно произнес:

– Не пытайся остановить то, что ты остановить не в силах. Когда человек нужен нам, то он будет среди нас, и это без всяких «или». Я еще вчера получил возможность в очередной раз убедиться, на что способен твой Игорь. Он сделал так, что трое сотрудников, которые должны были сыграть перед ним роль уличных бандитов, оказались в сумасшедшем доме с диагнозом «полная потеря памяти». Вот ты мне и скажи: у тебя есть на примете кто-нибудь, кто в состоянии проворачивать подобные... Не знаю даже, как это назвать. Пойми, что для Игорька такой вариант подойдет лучше всего. В стране разруха, ему там

нечего делать. Представь, что он свяжется черт знает с кем и станет преступником, а это сейчас, я имею в виду стать преступником, приняло массовый характер. Да и вообще... – Сеченов махнул рукой. – Сам знаешь, что с такими задатками, как у твоего парня, его рано или поздно приберут к рукам те, кто вплотную приблизился сейчас к своей главной цели: развалу страны. Хочешь, чтобы он с Мишкой Меченым из одной тарелки жрал? У него других вариантов нет: или с нами, или против нас. Не забывай, что сбалансировать силы можно, только имея равнозначное оружие. У наших врагов оно есть, ты понимаешь, о ком я говорю. А мы пока что в полнейшем пролете.

Сеченов встал из кресла, подошел к книжному шкафу. За стеклом виднелись плотно утрамбованные корешки книг. Одна из них привлекла его внимание:

– Ты позволишь?

Лемешев кивнул.

– Интересная книжечка какая, – Сеченов вытащил переплетенный в добротный коленкор том с выбитым на обложке английским названием. – «Преждевременное партнерство». Хм... Не встречал такой. Кто автор?

– Бжезинский. Книга официально выходит только в следующем году. Это служебный тираж, – ответил Лемешев.

– Не стану спрашивать, откуда у тебя книга для служебного пользования, – Сеченов читал с титульного листа, – в политических ведомствах США. Открою наугад и ткну пальцем. Ну?! Что и следовало доказать. Слушай: «...следует логический тактический вывод об оказании всемерной поддержки Борису Ельцину как подлинно демократическому российскому лидеру, невзирая на случающиеся в его деятельности как демократического лидера изъяны».

– «Изъяны», – со злостью в голосе повторил Лемешев. – Изъяны в деятельности. Каково сказано, а? Эти «изъяны» потом выравнивать придется, я чувствую, долго. Старик в своем постоянном хмелю настолько непредсказуем, что меня порой охватывает сомнение: а правильно ли мы сделали, что в свое время?...

– Тсс... Не надо об этом вслух, – Сеченов улыбнулся, – вот послушай лучше, что этот полячишка, который выслуживается перед своей новой родиной, пишет о

нас дальше: «Выказывать эту поддержку надлежит в нарочито оптимистической манере, с тем чтобы стимулировать одобрение американской общественностью финансовой помощи России, а также внушить осаждаемым российским демократам столь остро необходимую им уверенность в себе». Читаешь между строк? Вот так они всех и купят. С потрохами. А чужая идеология особенно хорошо всасывается вместе с денежным допингом. – Сеченов с сожалением вернул книгу на место. – Занятно, занятно. Вот тебе еще одно доказательство моих слов в пользу привлечения твоего сына к достижению наших целей. Тут вопрос о сохранении державы идет, Андрей. А о тех, кто хочет поучаствовать в ее окончательном уничтожении с такой неожиданной стороны, мы почти совсем ничего не знаем.

– Ну почему? Есть, наверное, отдел в ЦРУ.

– А его название тебе известно?

– Нет. Ты же знаешь, что само его существование мы лишь предполагаем. – Андрей Лемешев отвечал неуверенно, и чувствовалось, что его собеседник вот-вот добьется своего. – Иными словами, ты полагаешь, что, задействовав Игоря, а я не хочу прибегать к твоей фирменной циничной формулировке «использовать», тем более когда речь идет о моем единственном сыне, мы сможем выйти на всю эту...

– Чертовщину, – закончил за него Сеченов и улыбнулся. – Знаешь, – он еще раз поглядел на книжный шкаф, – почему эмигранты так старательно пытаются показать свою нужность новой родине? Эмиграция – это как второй брак, который, как правило, оказывается долговечнее и крепче первого. У Бжезинского так и произошло.

– Поляк он. Так что ты хочешь? Поляки исповедуют в жизни одну мораль: держаться рядом с силой и каждый день доказывать ей целесообразность своего присутствия. У Збигнева Бжезинского тот же комплекс, да еще и усиленный во много раз синдромом эмигранта: «У меня нет времени, чтобы оглядываться назад». Петр, черт с ним, с этим эмигрировавшим теоретиком. Не надо уклоняться от темы. Скажи мне лучше, что с Игорем ничего не случится.

Сеченов слегка покачал головой:

– Если бы речь шла о подготовленном для нелегальной работы офицере, о профессионале, легенда которого абсолютна, то я не смог бы... Я, конечно, не смог бы дать тебе таких гарантий. Но тут совсем иное. Игорь не профессионал. Он будет воспринимать все, что с ним произойдет, как естественный ход событий, а во многом так и будет. Мы лишь запустим процесс и по возможности будем корректировать его течение. Профессионалу с подготовкой в лесной школе тут делать нечего. Тем более что я еще не встречал среди ее выпускников никого, кто обладал бы такими задатками, как твой парень. Однако, – Петр вновь взглянул на часы, – мой самолет через два с половиной часа. Я возвращаюсь в Москву через Хельсинки. – Он в упор посмотрел на Лемешева. – Так я услышу отцовское слово или мне для этого нужно еще и походить тут перед тобой на голове?

Андрей Михайлович медлил с ответом, но взгляда Сеченова долго выдержать не смог. Кивнул в ответ.

– Андрей, ты мне не кивай, а скажи.

– Да.

– Что «да»?

– Пусть будет так.

– И ты все устроишь?

– Ты имеешь в виду знакомство с девкой?

– Угу.

– Петя, ты не на допросе, а я не обвиняемый. Я сказал, что согласен? Сказал. Значит, будет вам и девка, и все прочее, что к ней полагается. Ты опоздаешь на самолет.

...Пока эти двое обмениваются последними репликами и прощаются, а наш старый знакомый Петр Сеченов собирается сесть в самолет Рим – Хельсинки, необходимо сделать пояснения некоторых малопонятных моментов в диалоге

двух коллег по службе. Впрочем, особенно подробных пояснений не будет, так как всегда лучше разгадывать секреты понемногу. Скажем лишь, что в Центральном разведывательном управлении всегда очень серьезно относились ко всему, что могло бы в конечном итоге нанести урон России, и, немедленно прекращая этот банальный разговор, закончим вот чем: серьезно относились ко всему, включая вещи, с точки зрения материализма несуществующие. О способностях Игоря Лемешева, столь неожиданно для него самого проявившихся в критической ситуации, будет сказано еще много, а вот о таких мелочах, как «равновесие», «равнозначное оружие» и еще кое о чем, скажем несколько слов прямо сейчас.

Отрицать существование Бога и дьявола – удел недалеких умов. Сомневаться в их существовании, занимая себя сооружением доказательств наличия Бога или наличия дьявола, – занятие для неточной, легкой и бесформенной науки под названием «философия». Тех, кто сражается за мировой порядок, никак нельзя причислить к рангу «философов». Философ по определению беден и голоден, а нудность полуголодного рассудка чужда тем, кто в своей борьбе использует новейшие достижения математического анализа, логику социальных процессов и строит свои прогнозы в виде сложных моделей, рисуя их с помощью компьютерных оцифрованных команд. Пожалуй, единственное, с чем согласны идеологи межгосударственной борьбы, так это с самим фактом существования двух разнополярных энергий – ведь это и обуславливает постоянное противодействие одной крупнейшей части суши другой.

Впрочем, хватит рассуждений, цель не в них. А в том, чтобы рассказать об отношении к существованию Бога и дьявола этих прагматиков, вооруженных последними достижениями материальной мысли. Оно, отношение, в высшей степени серьезно. В ЦРУ в Бога и дьявола верят едва ли не сильнее, чем в самом Ватикане, и уж во всяком случае, никогда не станут подвергать факт существования этих двух сомнению. Вера – дело тонкое. А если с ее помощью можно делать большой бизнес, то вера становится одним из главных инструментов игры, имя которой борьба за власть. Игра не прекращается ни на минуту, и в ней принимает участие все, что может влиять, склонять, принуждать к исполнению воли одной из сторон, поэтому нет числа уровням игры, так же как нет числа списку действующих в ней лиц. А когда речь идет о жизни или смерти целой страны, то тут все средства хороши, и все, что может повлиять на исход игры, становится востребованным.

Этот рассказ о некоторых недавних событиях российской истории, которая еще и «историей»-то не успела стать. О событиях, удивительным и страшным образом переплетающихся с историей настоящей. О том, что уже было и прошло несколько столетий назад. О том, о чем никто еще никогда не говорил. Возможно, что время еще не пришло. Возможно, что рано говорить об этом, так как игра еще не закончена. Но очень хочется если и не дожить до ее конца, то хотя бы предсказать, каким он будет.

...Сеченов-«Панин» немедленно по прибытии в Хельсинки бесследно исчез. Во всяком случае, именно так было написано в отчете службы наружного наблюдения ЦРУ. «Наружники» вели его от самого торгпредства: ни для кого не является секретом, что любое дипломатическое представительство любой иностранной державы на территории другой державы находится под постоянным контролем со стороны ее спецслужб. А представительства России так и вообще зачастую под двойным контролем: местных «топтунов» и их коллег из ЦРУ. Богатое ведомство, большие бюджеты, неограниченные возможности: подобный контроль оно может себе позволить. Однако профессионализм не всегда основан только на деньгах, и Сеченов «сделал» американцев, почти без труда применив давно ставшую классикой схему «туалетной ширмы». То есть зашел в туалетную кабинку один человек, а вышел оттуда совершенно другой: лет на тридцать постарше английский джентльмен с баками, в клетчатой шляпе «на панаму» и клетчатом же дорожном рединготе. Американцы и носом не повели, а джентльмен, прихрамывая на правую ногу, спокойно вышел из здания аэропорта, нанял такси, приказал отвезти себя в центр города, где и пропал окончательно. Поэтому абсолютно неизвестно, что делал и чем занимался Сеченов в Хельсинки, лишь в утренних новостях промелькнуло сообщение о краже из закрытого фонда городской публичной библиотеки. А вечером того же дня с борта парома «Silja Line», пришвартовавшегося в пассажирском порту Санкт-Петербурга, сошел финский турист Марти Кайхунен. Пройдя все предусмотренные в таком случае формальности, он наговорил скромным питерским пограничникам грубоватых комплиментов, да вдобавок еще и с этим смешным финским акцентом (мышшки – кошшки, этто – вот этто, эттому дала-эттому не дала). Затем господин Кайхунен вместе с группой таких же, как и сам он, «алкогольных» туристов – финнов, приезжающих в Петербург на два-три дня с целью поглотить за это время невероятное количество дешевого по сравнению с ценами на их родине спиртного, вселился в гостиницу «Прибалтийская». Почти сразу же после наступления полуночи в номер господина Кайхунена постучали. Финский турист и не думал засыпать, он явно ждал гостей, поэтому дверь открылась быстро:

– Доброй ночи, господин э-э-э Кайхунен. Позвольте вам представить – это искусствовед из Эрмитажа. Он сам представится.

Человек лет семидесяти, национальность которого не требовала никаких дополнительных разъяснений, почтительно поклонился:

– Ловчиновский. Леонид Семенович.

Мнимый финн молча пригласил искусствоведа войти, двое сопровождавших остались в коридоре.

– Пухуттеко те суомеа? – Искусствовед гордился своим знанием финского языка и сейчас рассчитывал на небольшой практикум. Однако его собеседник лишь поморщился в ответ и без всякого акцента сказал по-русски:

– Леонид Семенович, у нас тут не лингвистический семинар. Вас позвали для другого. Вот, – финн аккуратно извлек из дорожного кофра небольшую тетрадь в черном матерчатом переплете. – Эта тетрадь восемнадцатого века и относится к ценностям, похищенным фашистами во время войны из библиотеки гатчинского дворца. Вам надлежит установить, является ли она подлинником.

Ловчиновский с не меньшей осторожностью принял из рук собеседника тетрадь, попросил разрешения сесть, положил тетрадь перед собой и извлек из кармана мощную лупу. Внимательно поглядел на обложку, затем осторожно открыл ее и перелистнул несколько страниц. Убрал лупу и встал из-за стола. Словно оправдываясь, вжал голову в плечи и смущенно поправил очки в толстой, старомодной оправе:

– Увы. Мне очень жаль, но это не более чем подделка. Бумага произведена в начале нашего века, так что никакого отношения к веку восемнадцатому эта тетрадь иметь не может. Но мне показалось, что я узнаю текст, – финн словно прострелил Леонида Семеновича взглядом, и тот сразу осекся, – впрочем, я не уверен.

Финского туриста, похоже, такой ответ не сильно разочаровал. Он молча достал все из того же саквояжа пачку денег и протянул ее Леониду Семеновичу:

– Спасибо. Вот вам в качестве компенсации за беспокойство. И лучше вам никому ничего не рассказывать о нашей встрече.

Искусствовед покачал головой:

– Я не уверен, что могу...

Кайхунен грубо прервал его:

– Я два раза предлагать не стану. Заработали, так держите, – усмехнувшись, закончил: – Крепче.

Ловчиновский с почтением принял награду. Кланяясь, попятился к двери. Финн не смотрел в его сторону. Его мысли были далеко, и он с задумчивым видом вертел в руках оказавшуюся бесполезной тетрадь.

В коридоре те самые двое сопровождавших искусствоведа угрюмого вида сорокалетних мужчин вежливо попросили его проследовать с ними в машину.

– Но я и сам доберусь, – сделал Ловчиновский попытку отказаться. – Я живу через квартал отсюда.

– Мы вас довезем, – отрезал один из них, повыше ростом. – У нас инструкция.

– Понимаю, – старенький искусствовед покорно склонил голову и пошел за своими конвоирами.

Кайхунен услышал назойливый писк биппера, снял его с пояса, поглядел на дисплей. Тотчас же подошел к стенному шкафу, распахнул створки. На одной из полок хитрого шкафа стоял казенного вида железный ящик, на поверку оказавшийся чудом советской техники – беспроводным телефоном «Алтай». Финский турист набрал номер, ему тотчас ответил голос, которому спустя несколько лет предстояло стать одним из самых известных голосов не только в России, но и в мире. И вовсе не по причине того, что его обладатель выбился в теноры уровня Паваротти.

– Ну? Чего там?

– Ни хрена. Я поэтому не слишком тороплюсь с докладом, – Кайхунен провел рукой по лбу.

– Вот как... Значит, опять мимо?

– Да. Приглашал эксперта из Эрмитажа. Тот сказал, что бумага сделана в начале двадцатого века.

– А... – собеседник Кайхунена замялся, – доверять этому эксперту можно? Он вообще кто?

– Еврей.

– Это плохо. Не доверяю я как-то евреям. Эмигрирует, напишет книжонку «Россия – смутное время». А из своего визита к тебе выдует целую главу, а то и часть. Видал, как стеклодув из такой маленькой стекляшки может надуть целый шар?

– Понятно.

– Он человек семейный?

Кайхунен пожал плечами, словно телефонный собеседник мог сейчас его увидеть:

– Одинокий. Блокадный ребенок. Вся семья на Пискаревском кладбище.

– Ну, тем лучше. У нас сирот за казенный счет хоронят.

– Да. Я уже все понял.

– Петь... Где же, черт ее дери, настоящая тетрадь?

– Хороший вопрос, Вла...

- Ты меня по имени не называй. Ни к чему это.

- Извини... Забылся. А вопрос, конечно, хороший. Я, честно говоря, думал, что в Хельсинки нам наконец-то повезет. Но, видать, легкие пути - это не про нашу честь.

- Чего делать-то? Ума не приложу.

- Есть один план. Вот только быстрой отдачи от него ждать не стоит.

- Тогда он меня не интересует. Во всяком случае, прямо сейчас. Все, мне пора. Собчак вызывает, завтра совещание по приватизации, готовимся уже вторые сутки. Придется отбиваться от московских гостей. Не забудь про еврея! До связи.

- Отбой.

«Кайхунен»-Сеченов закрыл стенной шкаф. Подошел к окну и поглядел в разреженный туман белой ночи над черной водой Финского залива. Этот номер в «Прибалтийской» с момента ее открытия был навечно закреплен за его ведомством, и Сеченов часто использовал его для встреч с агентурой, вербовок, да мало ли что еще может понадобится разведке. И стоит ли переживать, если речь идет о жизни какого-то старого еврея, которому не посчастливилось однажды избрать для себя самую, как ему казалось, мирную на свете профессию - искусствовед.

Сеченов медлил, словно что-то обдумывая. Затем, видимо придя к какому-то решению, стремительно распахнул шкаф и рванул на себя трубку «Алтая».

- Максим, вы где там?

- В Озерках, Петр Валерьевич.

- А где этот... Ловчиновский?

- Здесь. В машине.

– И в каком он состоянии?

– Ему только что сделали укол. Сейчас довезем его до залива и...

– Максим, тут поменялось кое-что. Срочно введите ему антидот, отвезите на Московский вокзал. Доставьте в Москву, в Домодедово-3. На работу направьте справку о болезни. Отчетов не составлять и никому, кроме меня, не докладывать. Все.

Сеченов закрыл спецномер на ключ, по черной лестнице вышел на улицу, сел в неприметные «Жигули» и поехал в сторону Пулкова. В Москву рейсовый самолет домчал его за час.

Пэм. США. Деревня Берлин – Вашингтон. 1964–1990 годы

Возможно, что девяносто, а может, и больше процентов населения скромного в размерах по сравнению с каким-нибудь там Юпитером голубого земного шарика вовсе не предполагают, что значит родиться чернокожим в Штатах. Черные вообще-то недолюбливают белых, которые пускаются в рассуждения по этому вопросу, потому что никто не может себе представить, что, если ты черный и не хочешь закончить свою гребаную жизнь от передоза в подъезде дилера-соседа в Гарлеме или в балтиморских вонючих трущобах, проезжая мимо которых по шоссе девяносто пять большинство автомобилистов поднимают стекла, всю жизнь ты должен доказывать этому политически корректному на словах обществу, что ты такой же американец, как и все остальные, чья кожа отличается от твоей так же, как отличается черный кенийский кофе от белого молочно-дынного шейка в тошниловке «Уэнди». Наверняка примерно такое же количество этих самых людских процентов никогда не задумывалось, что значит родиться чернокожей девочкой, да еще когда твой отец не оставил тебе ничего, даже своей фотографии «на память моей малютке». Хотя нет. Папочка оставил нечто большее. Он размешал черный кенийский напиток из арабики двойной обжарки, крепче которого нет ничего в мире, с молоком, что ведрами выкачивают из раздувшихся австралийских коров. И вот вопреки мнению о том, что черное и белое – это единственный бесспорный контраст на свете, из кенийско-австралийской смеси получилось создание человеческое такой красоты, что это поставило под большое сомнение запись в большой книге

судьбы. Той самой, где напротив имени Пэм при рождении появилось коротенькое предложение: «Смерть от огнестрельного ранения в возрасте пятнадцати лет, нанесенного сутенером во время крэковой ломки». Не судьба, а полное дерьмо собачье, не так ли? Впрочем, кто не ошибается? Взяли и перепутали строчки. И хорошо, что вовремя спохватились.

Нет. Мать Пэм не жила в Гарлеме. И в Балтиморе ни разу в своей жизни не бывала. И в Атланте. И, мать его, о Новом Орлеане – столице джаза – она ничего не знала. Мать Пэм работала официанткой в закусочной «Уэнди». Точные координаты закусочной, на тот случай, если кто-то захочет проверить: штат Мэриленд, деревня Берлин, перекресток сто тринадцатой и Бэй-стрит. Милости просим! К вашим услугам всегда дрянная еда, дрянной кофе и дрянное обслуживание. А что еще вы ожидали увидеть за три девяносто пять? Может, фарфоровые пепельницы на дубовых столах и дижонскую горчицу с каперсами а-ля Карамболь?!

У местечка Берлин, кроме его несколько шокирующего новичков названия, было то же преимущество, что и в самом Мэриленде. Деревенька находилась на территории штата, который граничил с Вирджинией. А Вирджиния – это прежде всего что? Правильно! Вирджиния – это прежде всего Вашингтон. Столица, и этим все сказано. От Берлина до Вашингтона, как это ни парадоксально звучит, было рукой подать. Всего каких-то двести километров. Здесь любители аутентичности могут поделить эту цифру на один запятая шесть десятых и получить расстояние в милях, так будет казаться еще короче. Мать Пэм, выставляя на прилавок очередной поднос и выкладывая на него ту самую еду, вполне справедливо охарактеризованную выше, считала в милях. И думала, что ее малютке совершенно незачем становиться официанткой и к тридцати годам иметь вместо вен на ногах толстые, перехваченные гроздьями узлов канаты. У матери Пэм были проблемы с венами, и она носила специальные чулки. Всегда. Даже в самую страшную жару. Иначе ее бы уволили. Даже в такой поносной дыре, как «Уэнди», посетители не очень-то любят портить себе аппетит видом ног официантки, с которыми «не все в порядке».

Мать Пэм носила чулки и не собиралась делать дорогостоящую операцию. У нее просто не было на это денег. Все, что она получала в «Уэнди», и те заработанные собственным телом деньги, которые давали ей водители-дальнобойщики после коротких свиданий в ближайших мотелях или прямо в кабинах их несущихся в Норфолк грузовиков, она откладывала дочери на колледж. Впрочем, от затеи совмещать карьеру официантки и проститутки ей пришлось отказаться по

причине все той же проблемы. Варикоз... «С его приходом в твою жизнь из нее что-то уходит, а любой уход – это потеря будущего для моей малышки», – думала мать Пэм, уговаривая менеджера «Уэнди» дать ей помимо работы официантки еще и место посудомойки. Она могла быть кем угодно, лишь бы больше получалось откладывать для ее девочки.

Каждый месяц каждого года, с тех самых пор, когда в ее жизни появилась кофейно-молочная бабочка, так мать Пэм называла свою дочь, она относила деньги в банк и взамен получала выписку с депозита. На выписке значилась цифра, и каждый месяц каждого года, с тех самых пор, когда в ее жизни появилась Пэм, эта цифра пусть понемногу, но увеличивалась.

О! Не стоит думать, что мать Пэм лишь только и жила, что своей каторгой в «Уэнди» и воспитанием дочери. Отнюдь нет. Как бы низко ни стоял человек на социальной лестнице, но даже у официантки и посудомойки должна быть «отдушина». Отдушина для клерка – это много пива вечером пятницы и боулинг, отдушина гламурного бездельника – это синтетическая музыка в сверкающем синтетическим светом зале и горка белого синтетического порошка на двоих с синтетической подружкой, а отдушина темнокожей официантки – это Вуду.

В Америке есть все. В этом смысле Америка – самая уникальная страна на всем белом свете. На каждого из ее жителей, число которых постоянно растет и давно уже перевалило за триста миллионов душ, обязательно приходится по какой-нибудь занятной штуковине. Не важно, что это: ненужная в хозяйстве подставка для бананов, которая всем мешает, или жестяная банка, в которой – вот это да! – лежит высохшая, с длинными когтями и отчего-то очень смешная птичья лапа. Малышка Пэм, как и все дети, отличалась крайним любопытством и к своим девяти годам считала, что в ее родном домишке нет и не может быть места, куда она не сунула бы свой нос. Однако эту жестянку она просто невероятным образом пропустила, как, впрочем, и целый шкаф, оказавшийся спрятанным под старой одеждой в подвале и прямо-таки набитый самыми разными забавными вещами. Жестянка с сушеной лапкой внутри вывалилась ей прямо в руки, как только Пэм, высунув от любопытства язык, потянула дверцу шкафа на себя. Она долго рассматривала содержимое жестянки и уже собиралась продолжить свои дальнейшие исследования содержимого таинственного шкафа, как вдруг, впервые в жизни, крепкая и мозолистая рука матери схватила ее за волосы и, невзирая на рев Пэм, происходящий больше от удивления и обиды, чем от боли, поволокла ее прочь из подвала.

– Ты, черномазая сучка! – Никогда до этого Пэм не видела мать в такой ярости. Та стояла над ней, широко расставив ноги, и, наклонившись к дочери, лежащей на полу, шипела: – Кто разрешил тебе лезть туда, куда лезть нельзя!

У Пэм началась истерика, она очень испугалась такой страшной «новой» мамочки и почувствовала, что ей не хватает воздуха, захрипела, схватив себя за горло правой рукой.

Мать пришла в себя. Ей стало страшно, а после того, как она взяла Пэм на руки, подошла с ней к стулу, села и, обняв девочку, принялась гладить ее по спине и успокаивать, ей стало еще и очень стыдно. Она корила себя за этот неожиданный для нее самый приступ ярости, и как-то незаметно, словно сами по себе, из глаз ее покатились слезы... Некоторое время старый дом был молчаливым свидетелем горестной исповеди двух особ женского пола: невинной девочки и ее матери, видевшей за свою тридцатилетнюю жизнь так много плохого, что этим количеством боли, разочарования и порока можно было бы снарядить какую-нибудь боеголовку и запустить ее в сторону Северной Кореи. Корейцам бы тогда не поздоровилось – это уж точно.

Слезы уходят в землю, земля высыхает и остается на месте. Так и то удивительное чувство привязанности между матерью и ее ребенком ничто не в состоянии размыть. Пэм прекратила хныкать и украдкой взглянула на мать. Та неподвижно смотрела перед собой и все еще всхлипывала. Увидев, что дочка пришла в себя, улыбнулась:

– Прости меня.

– Это ты прости меня, мамочка. Я не знала...

– Нет, это ты прости меня, я не должна была держать все это в доме.

Пэм, которую ее любопытство продолжало буквально разрывать на части, решила, что благоприятный момент наступил, и самым невинным голосом спросила:

– Мамочка, а что там?

- Где?

- Ну, там, в шкафу?

Мать спустила ее с колен, поднялась сама и, морщась от боли (ноги давали о себе знать именно в такие моменты), пошла на кухню. Пэм за ней. Мать принялась нарочито громко греметь кастрюлями, делая вид, что ищет что-то, наконец, видя, что от ответа ей теперь уже не уйти, она проворчала:

- Ниггерские штучки.

Для девятилетней девочки ответ был более чем туманным. Пэм лишь похлопала глазами, отчего стала и впрямь похожа на бабочку - такими огромными, похожими на крылья райского махаона, были ее ресницы. Мать повернулась к ней и сказала:

- Понимаешь, милая, когда ты всего лишь черномазая и дочь черномазой и черномазого - это я про себя - и господь Бог решил наделить тебя смазливой мордашкой, то каждый, у кого между ног болтается эта штуковина, считает, что он вправе делать с тобой все, что ему только заблагорассудится. Он думает, что ты слабая, и он думает, что раз у него есть эта штуковина, то он может вертеть тебя на ней в разные стороны и... - Тут мать Пэм прикусила язык, так как поняла, что перегнула палку. Однако Пэм нетерпеливо топнула:

- А дальше?!

- В общем, ты заводишь себе такой шкаф и с его помощью чувствуешь себя сильнее.

Девятилетняя американка, да и не только американка, а, наверное, любая девочка, в доме которой есть телевизор, в состоянии додумать все, о чем ей недоговаривают. Пэм серьезно взглянула на мать и спросила:

- Это для колдовства?

Мать промолчала.

– А меня ты научишь? Я не хочу быть слабой.

Мать молча кивнула в ответ.

...Пэм поступила в колледж. И не просто поступила, а стала одной из лучших, вернее, она стала самой лучшей ученицей. Все предметы давались ей на удивление легко, хотя о легкости мог судить тот, кто не знал изнанки. Пэм по-настоящему училась. Она очень хорошо помнила, как мать однажды сказала ей, что если ты родилась чернокожей, то должна все делать в два раза лучше, чем белые. «Только тогда, – сказала мать, – достигнешь чего хочешь».

В колледже о Пэм говорили как об «уникальном явлении, чей гений сочетает в себе в равной степени выдающийся ум и невероятную красоту». Пэм плевать было на то, что ее считали «явлением», она не задирала нос, а продолжала учиться, учиться изо всех сил. Ее целью был грант одного из университетов, так как оплатить высшее образование ее мать уже не смогла бы.

Зимой 1984 года Пэм осиротела. Какой-то дальнобойщик, от которого ушла жена, забрав с собой двоих детишек, решил, что во всех его «проблемах» повинна маленькая закусочная, и на полном ходу въехал своим тридцатитонным грузовиком прямо в павильончик «Уэнди». Внутри находилось сорок человек, в том числе и мать Пэм, которая как раз в тот момент ставила на поднос очередного клиента «Кул-эйд» и кусок клюквенного пирога. Вуду ей не помогло. Закусочную спустя полгода отстроили заново, а из сорока человек не выжил ни один. Шофер грузовика на суде говорил, что ему очень жаль, что все так случилось, и он просто был не в себе. Его отправили на психиатрическую экспертизу, и в больнице городка Оушен-Сити он устроил настоящий переполох, когда однажды посреди ночи пробрался в хирургическое отделение, завладел скальпелем, вырезал на собственном теле какие-то непонятные узоры, сильно смахивающие на африканскую племенную живопись, и, уже истекая кровью, вначале бегал по коридорам больницы, оглашая ее нечеловеческими воплями, а потом, когда его уже почти было схватили, шофер грузовика что есть силы воткнул себе скальпель прямо в левый глаз. Некоторые очевидцы из больничного персонала утверждали: со стороны казалось, что внутри шофера кто-то орудовал. «Его как будто дергали за ниточки», – сказал один из охранников, и ему, конечно же, никто не поверил. Мало ли, что приходит в голову этим психам...

Пэм продала дом матери, с тем чтобы никогда в жизни больше не возвращаться в маленькую деревню с громким названием Берлин. Она продала дом вместе со всем имуществом, но перед тем, как навсегда покинуть стены, в которых выросла, она вытащила из подвала тот самый шкаф и сожгла его перед домом вместе со всем содержимым. Ей давно не нужна была атрибутика. Высшее Вуду не нуждается в засушенных птичьих лапах, а предметами колдовства нельзя пользоваться никому, кроме их прямого владельца, – это Пэм знала с того самого дня, когда она открыла дверцу шкафа.

Только если ты пашешь, твоя пшеница взойдет, а остальное от лукавого. Пэм получила грант университета Вашингтона. К удивлению преподавателей, она предпочла надежной карьере адвоката, судьи или прокурора, которую обеспечивал ей юридический факультет, место на мало что общего имеющем со словами «деньги» и «бизнес» факультете антропологии. Но такова была Пэм, она всегда делала только то, что было нужно именно ей, и никогда не слушала ничьих советов, кроме советов матери. Мать погибла под колесами взбесившегося грузовика, и Пэм стала самостоятельной. Однако даже самые язвительные скептики вынуждены были прикусить язык, когда после окончания своего «факультета человековедения», получив степень магистра, Пэм ушла работать в ЦРУ и очень скоро сделала там головокружительную карьеру. Впрочем, насчет карьеры у тех, кто знал ее ранее, были лишь домыслы, так как Пэм вовсе перестала общаться с прежним окружением. Собственный дом, стоящий рядом с такими же большими и роскошными домами высших офицеров ЦРУ, говорил сам за себя. Эта публика консервативна и не потерпит рядом никого ниже себя по положению, значит, Пэм стала такой же, как они.

И действительно, положение Пэм в ее организации, известной всему миру под злобно-шутливым названием «департамент грязных делишек», было весьма и весьма высоким. Почему? Коротко можно ответить так: Пэм преуспела в своем стремлении постоянно выдумывать способы, «как эффективно покончить с конкурентом». Звучит банально? Чересчур официально? Не очень-то вызывает доверие, делая рассказ о ее биографии прямо-таки сказочным? Да, но это правда. Что значит «конкурент»? У Америки в конкурентах целый свет, но основным своим «заклятым другом» Штаты всегда считали и считают Россию. И это отвратительно и печально, но сущность человеческая такова, что своего всегда мало. И постоянная мысль о «несправедливости», благодаря которой сто двадцать миллионов человек живут на самой большой в мире территории, которую при этом освоили процентов на тридцать-сорок, да и то (чего уж греха таить) кое-как, мысль, которая непрестанно, днем и ночью терзает, словно это самая сильная на свете зубная боль, – вот серьезный повод для постоянной

работы в направлении «устранения конкурента». Нет, в ЦРУ не разрабатывают планы по созданию очередного Аушвица или Майданека, Бухенвальда или Треблинки. Но тактика выжженной земли и тотальный геноцид – часть методов «департамента грязных делишек». Тех самых методов, благодаря которым так часто и в самом негативном образе поминают то тут, то там прямолинейного тевтонского политика Шикльгрубера-Гитлера. Его изобретения и еще старый, как китайская стена, принцип «разделяй и властвуй» – это истинные пути для реализации глобальных планов «фирмы», в которой так добросовестно трудилась Пэм.

Отдел, где она работала и о существовании которого упоминали во время своего разговора дипломат Лемешев, оказавшийся резидентом, и многоликий Сеченов, никак не назывался. Официально его не было, а в помещение, которое он занимал, вела дверь с табличкой «Дополнительная канцелярия». К какому именно подразделению ЦРУ относилась эта «канцелярия», почти никто не знал, а кто знал, тот молчал. «Канцелярия» подчинялась напрямую директору ЦРУ и в структуре внешней разведки занимала, если можно так выразиться, «отдельное купе». Даже свои расходы «канцелярия» никогда не вносила в общий список, утверждаемый Конгрессом, а финансировалась из каких-то секретных фондов. Пэм иногда шутила, правда, делала это молча, про себя, что деятельность ее родного предприятия оплачивает лично мистер Люцифер, настолько воистину мрачной чертовщиной занималась «канцелярия».

Ни к чему погружаться в деятельность этого отдела совсем уж «с головой», но в самом примитивном и поверхностном изложении его деятельность выглядела следующим образом:

- создание и финансирование тоталитарных сект,
- развитие и поддержка реакционных оккультных учений,
- пропаганда антихристианской морали,
- моральное разложение обществ,
- поиск и внедрение агентов влияния в сферах реальной власти и тому подобное.

Само собой разумеется, что все эти бесчеловечные задачи были, так сказать, товаром для «внешнего рынка» и к Америке никакого отношения не имели.

Америка меняется... Заблуждается тот, кто все еще считает Соединенные Штаты вертепом и гнездом разврата. Да, в Америке есть все, но «отцы нации», речь о которых еще впереди, давно поняли: то, что позволит Штатам и в дальнейшем оставаться единственной в мире империей, – это немедленный возврат к традиционным ценностям, к тому, на чем, словно колосья пшеницы, взросло человечество. Грязь разврата, цинизм, контркультура – от этого Америка, нахлебавшись вдоволь, избавляется, сливая собственные отбросы, возведенные в культ по всему миру, экспортируя собственные ставшие ненужными испражнения в ярком зеленом фантике с надписью «демократия» и «гражданские свободы». В «канцелярии», посмеиваясь, называли их «конфетами дяди Сэма». Однако для каждого товара положен дилер – тот, кто станет распространять эти самые конфеты и, что самое главное, сделает все, чтобы никому и в голову не пришло, развернув фантик, завопить, что его, дескать, обманули. Нужно создать такие условия, чтобы лопали вместе с фантиком, так надежнее.

Задачей Пэм было искать таких дилеров. И она искала. Лучшей своей подругой она называла мисс Коррупцию, ибо с помощью этой дамы можно было проникнуть в любые, даже самые надежные кабинеты самых важных и высокопоставленных начальников, чиновников, генералов, депутатов – словом, всех тех, кто считался и считается «сильными мира сего». «Наивные люди, – иногда думала Пэм, – у мира сего есть только один „сильный“, он же „князь“, „царь“, „властелин“, у которого имен больше, чем у самого ловкого шпиона всех времен».

Но наивно полагать, что Пэм крепко дружила только с Коррупцией. Если бы все обстояло так примитивно, то все было бы слишком скучно, да и особенной надежностью не отличалось. Можно построить крепость сребролюбия, но чем вы станете цементировать кирпичи, укреплять стены, которые без этого разрушит ветер? Только верой, и больше ничем. Потребность человека в вере была доказана задолго до появления мозгведов из ЦРУ, они лишь цинично обратили этот постулат себе на пользу: всегда лучше пользоваться проверенным, чем изобретать то же самое. Вера в «верхнего» Бога при всей своей наивности, кажущейся архаичности, набившем оскомину фарисействе и сложных для восприятия текстов Библии, которые неискушенный разум современного человека уже не в силах трактовать, – все же это вера в кого-то, кто не

навредит и поможет, вера для всех, пусть и со скромной обратной отдачей. И гордость там не приветствуется: тот, кто горд, не признает авторитетов, кроме своего собственного, и ждать от него лояльности к доброму Богу – бессмыслица, достойная Сизифа. Нельзя то, нельзя это, нельзя спать с чужой женой, нельзя любить деньги, нельзя взять то, что плохо лежит, нельзя любить вкусно и со вкусом перекусить, нельзя дать в лоб обидчику – нет, это не вера для гордых людей. Гордые верят в себя, но все же в глубине души – такова уж сущность человеческая, – они жаждут если и не найти ведущего и стать ведомыми, то уж по крайней мере верить во что-то «равное» себе. В кого-то, кто может помочь достижению их целей.

Да, воистину «все придумано до нас». Ни к чему искать альтернативу, есть только белое и черное, и на смену верхнему Богу приходит Бог нижний, босс этого мира, который ничего не обещает «потом», а с улыбкой достает из бездонных карманов своих все, о чем мечтает человек, а человек мечтает всегда об одном и том же. Он мечтает о деньгах. А деньги – это все, и пусть неудачники, робко прячущие за спиной книжки с изречениями верхнего Бога, пытаются, теперь уже совсем тихо и неуверенно, возразить, что деньги – это «не очень-то все». Да они просто жалкие букашки, планктон, хворост для растопки печей, греющих тщеславие дилеров конфет в ярких фантиках, которых Пэм и ее Канцелярия обратила в веру нижнему Богу. Пэм искала. Она всюду искала тех, кто мог пополнить армию мистера Люцифера и принести с собой в качестве жертвы, вступительного взноса – можно называть это как угодно, – собственную страну во славу Мамоны и Золотого тельца.

Пэм впервые попала в поле зрения учреждения Петра Сеченова весной 1990 года, когда служба наружного наблюдения, которая «вела» Пэм все то время, что она находилась в России, зафиксировала ее встречу с директором корпорации «Алькор» неким Сушко. Через «Алькор» проходили некоторые экспортные контракты, по которым в Малайзию и на Ближний Восток осуществлялись поставки истребителей «Миг». Личность же самого Сушко, долгое время прожившего в Бостоне и по личному приглашению Салимы вернувшегося в Россию в начале 1990 года, была настолько колоритной, что Сеченов лично наблюдал за этим «клиентом» – так Петр называл всех, кто обращал на себя внимание его ведомства. Салима же, «кремлевская целительница», имела тогда колоссальное влияние на самом «верху», и по ее протекции благодаря личному указу Миши Меченого Сушко возглавил «Алькор» – компанию, экспортировавшую гражданские и военные самолеты. Сеченов заинтересовался этим типом еще и потому, что такой человек, по его разумению, никак не мог возглавлять подобную организацию. К госбезопасности

он не имел ни малейшего отношения, был женат на дочери эмигрантов-евреев, благодаря этому обстоятельству смог получить американское гражданство и, покинув тогда еще сильный СССР, несколько лет на его территории не появлялся. Его пути с Салимой никогда не пересекались, и Сеченов сперва недоумевал, отчего вдруг в придворной бесконтактной массажистке и ясновидящей проснулось такое участие к судьбе незнакомого ей ранее человека. Сеченов нашел для себя ответ в обыкновенном номере журнала «Огонек», где о чудо-целительнице была напечатана большая статья, щедро иллюстрированная фотоматериалами. На одной из фотографий Салима была запечатлена в полном облачении «генерала-командора ордена мальтийских рыцарей», и Сеченов сразу почувствовал, что именно этот так кстати попавшийся ему снимок и станет тем лучом, который наконец прольет свет на причины возникшей нежной дружбы между мальтийской принцессой и этим, по выражению Сеченова, «засланным казачком». От своих источников в Соединенных Штатах Сеченов получил справку, содержание которой все молниеносно расставило по местам. В справке сообщалось, что в марте 1987 года в масонском мемориальном храме имени Джорджа Вашингтона, построенном в начале тридцатых годов теперь уже прошлого, двадцатого, века, состоялась церемония посвящения в «рыцари». Мальтийские рыцари, розенкрейцеры, братья, вольные каменщики – у них так много имен, но одно их объединяет – масоны. Среди кандидатов, прошедших обряд посвящения, был и Сушко. «Вот откуда, – понял Сеченов, – растут ноги у этой протекции». Салима – не кто иной, как гроссмейстер масонской ложи, ее российского филиала, она лишь помогла «своему», сделав его одной из ключевых фигур в российском оборонном экспорте того времени. Именно Салима в свое время «посвятила» Сосковца, Бурбулиса, Старика и многих других, чьи фамилии до сих пор находятся в передовицах СМИ, в тайное «рыцарское» общество, и ныне активно действующее. Рассказ о нем впереди...

Сеченов ничего не мог сделать: начало 1990-х – черное время в истории разведки. Он лишь мог наблюдать, и максимум, на что хватило его возможностей, – это установить наблюдение за теми иностранцами, с кем контактировал Сушко. Так Пэм, сама того не ведая, попала в поле зрения того, чье внимание привлекать к себе ей было нельзя ни в коем случае, и ее встреча с директором «Алькора» «мальтийским рыцарем» Сушко положила начало истории, которая не закончилась и по сей день.

«Как можно относиться к страшилкам о черте современному человеку, сидящему на заднем сиденье двенадцатицилиндрового автомобиля представительского класса, человеку, возглавляющему компанию, в которой работает несколько тысяч человек, летающему на частном самолете из Москвы в Уэльс поиграть в гольф на выходные? Возможно, пример слишком уж радикален и в нем речь идет о „почти небожителе“? Возможно. В таком случае можно упростить вопрос, и тогда он будет звучать так: „Как относится ко всему, что связано с чертом, просто успешный человек?“ Да никак. Плевать хотел современный успешный человек на какого-то там архаичного дьявола с его набившими оскомину рожками. Он, успешный человек, и в Бога-то, если честно, не сильно верит. Нет, то есть, конечно, верит чуть-чуть, и все оттого, что верит в рекламу.

Рекламируют щетку для обуви или бутылку водки, нарисуют-напечатают плакатов и наклеят их на фанерные щиты вдоль дорог – едет успешный человек, смотрит на щиты и думает: «Дорогая реклама, часто щиты попадаются, значит, бюджет большой, производитель крупный, надежный: надо брать». Так же и с Богом: чем больше вокруг тебя крестов, не важно, на чем они нарисованы или установлены, тем медленнее гаснет в душе последнее, что роднит нас с предками, которым повезло гораздо меньше. У них не было персональных компьютеров, гипермаркетов с товарным изобилием внутри, антибиотиков и вообще всей этой спокойной отупляющей сытности. А была у предков война, голод, нищета и огромное стремление жить лучше, и в этом своем стремлении они не забывали благодарить за успехи Бога, а за неудачи ругать черта. Они построили нам мир, в котором мы живем и продолжаем строить его дальше, вот только надеяться мы привыкли лишь на самих себя. Так и живем, теряя постепенно веру в Бога, а значит, и в возможность спасения. Топим друг друга, когда речь идет о прибавке к зарплате, добиваем слабого, с пренебрежением смотрим на «несущих всякий бред религиозных фанатиков», которые кажутся нам сплошь одними шизофрениками с явной жадой меньшинства завербовать себе сторонников среди нас, нормальных людей, которым все это просто не нужно.

Однако и жизнь без Бога, и жизнь без черта – это все равно жизнь, в которой есть и тот, и другой, пусть мы этого и не осознаем. Мы создаем семью, растим детей, у нас хороший годовой доход и открыточного вида загородная недвижимость. Но вдруг происходит что-то вроде, как нам кажется, «маленькой любовной интрижки», с которой начинается крах всего псевдонезыблемого благополучия, накопленного с таким трудом. Одной монахине, имя которой

исчезло в мутной воде истории, принадлежат строки: «...И расплата годами страданий за десяток счастливых минут». И действительно, тому, кто живет в своем обособленном мире, в котором, кроме него, живет вся его семья, приходится годами расплачиваться за то, что он открыл ворота этой крепости и впустил чужую волю, как ему казалось, «на время», а крепости «на время» не берут.

И чем больше мы забываем о божественном и дьявольском, тем больше страдает божественное, а дьявольское, как ни странно, в этом случае лишь выигрывает. Сатана аутсайдер, в честь него не строятся кафедральные соборы, его не интересует сознательное массовое поклонение (достаточно небольшой кучки «идейных» сторонников, ведь «счастья на всех не хватит»). Сатану интересует выполнение его замыслов, многие из которых полностью удались: на зеленую бумажку с изображением глаза в треугольнике давно уже молится весь мир, среди двух представителей главных церквей, поругавшихся много веков назад из-за сицилийской епархии, обязательно найдется один с характером упрямого барана, и все разговоры об объединении христианства (Дико звучит «объединение христианства», того, что по сути своей едино, не так ли?) вновь останутся лишь разговорами. Значит, будет существовать прежний раскол между цивилизациями: европейско-американской и российской». Это были отрывки из открытого письма епископа Ежи Дуда к гражданам России, мы вернемся после рекламной паузы с выпуском новостей, с вами радио «Иисус FM» и я, диджей мать Тереза, оставайтесь с нами!»

Гера нажал кнопку поиска станции на панели простенькой магнитолы «уазика». Диджей мать Тереза пропала в волнах эфира, и вместо нее что-то веско и убедительно стал говорить популярный шоумен Птичкин. Послушав речи Птичкина, Гера тоскливо поморщился и вовсе выключил приемник: все это он слышал уже много раз, более того, многое из того, о чем обычно говорил Птичкин, Гера сам придумал, и хотя все это было махровой пропагандой, все же пусть лучше кремлевское слово несет народу остроумный и талантливый еврейский импровизатор Птичкин, нежели этот тупой скот Бухиев, которого благодаря особенному чувству юмора генерала Пети удалось выпроводить на тот свет столь артистично.

Вспоминал ли Гера о тех, кого не было рядом? Разумеется, но обо всех по-разному, хотя с относительным сожалением он думал лишь о бросившей его Насте. Ее уход он давно перестал считать трагической утратой, решив, что это цена, которую пришлось заплатить за место в администрации. За все

приходится платить – это правильно, это закон сохранения массы, физика, а против нее никуда.

Он ехал по Ярославскому шоссе уже около трех часов. Тихоня «уазик», безопасный и надежный трудяга, действительно не вызывал у соседей по шоссе ни малейших эмоций. Свою цель Герман понял окончательно лишь из последних слов Сеченова, сказанных перед самым расставанием:

– Это твой клиент. Тебе с ним работать, тебе ему задачи ставить. Придется тебе с ним подружиться.

Получается, он ехал за каким-то, как он про себя назвал его, «тюбиком тараканьей отравы» – человеком, который смог бы так же успешно работать с толпой на митингах оппозиции, как и его «коллега», предположительно находящийся на службе в ненавидимом вражьем гнезде и службу свою выполняющий пока что исключительно вредоносно для режима. За девять месяцев до выборов в Госдуму расклад сил был на правильной стороне, но уверенности в победе у Геры не было.

Гера не разделял мнения польского католического епископа и вопреки его утверждению, что «успешные люди забыли о Боге и черте», о себе мог сказать, что он-то, Герман, ни о том, ни о другом не забывал ни на минуту. Когда речь идет о победе, то все средства хороши, все дозволено. Надо подписать протокол о намерениях с дьяволом? Да не вопрос. Главное, не забыть оговорить возможность отсрочки исполнения требований с его стороны в случае удачи: живем земной жизнью один раз, а после нас гори тут все, и черт с ним.

...То апрельское утро отличилось неожиданными заморозками: на обочине появился иней, асфальт заблестел кристаллами льда, предупреждая доморощенных гонщиков о выпавшем на их долю шансе сберечь свою жизнь. Однако доморощенные еще и сами отморожены настолько, что игнорируют какие-то там дурацкие предупреждения и тот факт, что наши дороги построены не для удобства человека, а скорее для глумления над его желанием погонять с ветерком. Национальная любовь к быстрой езде находится в вечном противоборстве с качеством дорожного полотна, и этот конфликт порой принимает самые трагичные формы.

Дорога пошла сперва под уклон, а затем полезла в гору. «Уазик», за которым терпеливо тащилась постепенно собравшаяся колонна из грузовиков и легковушек, еще немного замедлил ход: Гера от греха сбросил с шестидесяти до сорока и медленно вползал на гору, напряженно вглядываясь в пустоту шоссе перед собой. На холмистой трассе живописный косогор может стать точкой отсчета для обратного летосчисления – и это помнил не только Гера, но и девяносто девять процентов тех, кто терпеливо ехал сейчас за ним.

Двенадцатой по счету шла внедорожная «Тойота» девяносто третьего года выпуска, но все еще на хорошем ходу. К сожалению, добротность машины полностью компенсировалась безалаберностью и дурачествами ее хозяина, двадцативосьмилетнего жителя ближайшего городка, с самым обыкновенным именем Карен. Был он горяч, уверен в себе и горд, словно орел. Примириться со скоростью в сорок километров в час для Карена было делом неслыханным. Поэтому, произнеся несколько вполне литературных, но тем не менее оскорбительных слов в адрес запершего колонну «уазика», Карен, убедившись, что на встрече однополосной дороги пусто, лихо вырулил влево и под возбуждающие его звуки из динамиков акустической системы «Тойоты» помчался вперед, быстро набирая километры в час.

Гера почти поравнялся с вершиной холма, когда в левое зеркало он увидел мелькнувшие фары. «Какой-то кретин решил обогнать вслепую! Какого черта!» В тот же самый момент перед ним мелькнул борт «Тойоты», и одновременно с этим раздался душераздирающий гудок одновременно двух автомобильных клаксонов. «Тойота» впереди, не успев перестроиться, на скорости за сто километров влетела под рейсовый автобус, который от удара опрокинулся на бок, и его развернуло поперек узкого шоссе, полностью перегородив движение. Геру выручила реакция, он успел с силой нажать на педаль тормоза, а руль выкрутить до отказа влево. «Уазик» занесло, развернуло на сто восемьдесят градусов и потащило прямо на автобус, но скорость, по счастью, была низкой, и получился скорее не удар, а лишь сильный толчок, от которого у Героиной машины разбилась задняя правая фара и немного погнуло бампер. Колонна машин шла, соблюдая дистанцию, и в ней никто никого «не достал». Все смогли благополучно затормозить, и теперь водители принялись выскакивать на дорогу, спеша к месту аварии.

Герман смог сконцентрироваться в самый нужный момент и сейчас сидел, отдуваясь и широко раскрыв рот: воздуха не хватало, и сердце готово было проломить грудную клетку. Какой-то мужик лет пятидесяти, водитель

грузовика-мусорщика, рванул водительскую дверь его «уазика» на себя:

– Жив?!

– Черт его знает, вроде жив.

– Ну, слава те Господи! Не, ну ты видал, что этот козлина на иномарке наворотил тут, а?! Он бы и нас всех угробил. Пойду гляну, что там с ним. Тебе помочь или сам вылезешь?

– Сам. Спасибо тебе.

Гера вылез из машины, посмотрел на повреждения и понял, что дальше он вполне может ехать без всякого ремонта: битая фара на ходовые качества не влияет. Путь был закрыт автобусом, из которого доносились вопли раненых, несколько человек звонили в ГАИ и в «Скорую помощь», а «Тойота» валялась в кювете вверх колесами.

«Скорая» приехала быстро, сразу несколько автомобилей с крестами. К Гере, который с кислым видом сидел на какой-то непонятного назначения штуке, по форме напоминавшей ящик, подошла женщина-врач:

– Вы пострадавший?

– Я вон из того «уазика».

– То есть с вами все в порядке? Машина-то вроде целая?

Гере минут за десять до этого пришлось сесть на подвернувшийся псевдоящик, он почувствовал, как сердце, что прежде стучало, как бешеное, не снижая темпа, сбилось с ритма и теперь беспорядочно колотилось так, словно какой-нибудь неистовый музыкант-ударник разминался на своей установке. Он не знал, что это, но игнорировать бешеную пляску в собственной груди не решился. Поэтому, по-щенячьи заискивающе взглянув на докторшу, показал ей на левую половину своей груди и пробормотал:

– Да вот, кажется, с сердцем у меня не в порядке.

Она проверила пульс, приложив свою теплую руку к его шее, – это было приятно. Вообще приятно, когда кто-то профессионально проверяет твои агрегаты и узлы, сразу становится спокойно от того, что собственное неведение и страх уходят, а вместо них появляется надежда на такую вот теплую руку доктора. Значит, теперь будем жить, если доктор разрешит.

– Что со мной?

– Аритмия у вас, – она с участием поглядела на Геру и повторила еще раз, словно он не мог вникнуть в смысл этого слова сразу, – аритмия.

– Это плохо?

– Это никуда не годится. Вам сколько лет?

– Тридцать.

– Тем более. От этого умереть можно. Вам в больницу надо. Поедете?

– Поеду, – сразу решил он. – Мне умирать надоело.

Игорь Лемешев. Рим – Чивитавеккья. Июнь 1992 года

В римском аэропорту Фимичино Игорь потерялся. Таков уж наш человек, и авиапутешествие «за бугор» для подавляющего большинства граждан российских – это настолько радостное, нечастое и волнительное событие, что наш человек тут же после пересечения заветной линии-«границы» в Шереметьево-2 стремглав бросается в сияющий, будто рождественская елка, магазин, набитый колониальными товарами, и покупает там лучшие средства от стресса: виски, коньяк и ликер «Бэйлиз». Ликер «Бэйлиз» пользуется особенным уважением у слабой половины человечества, и она, эта самая половина, вовсе неслабо пьет его, опустошая полулитровые бутылки со скоростью, пропорциональной скорости самолета. Нынче, когда время вот уже как восемь лет назад распечатало конверт двадцать первого столетия, наш человек летает

за границу несколько иначе. Для многих магия нескольких часов в воздухе, сладостное ожидание встречи с новым миром давно превратились в обычную и даже досадную рутину. Столько часов неподвижно сидеть в кресле! Изнывать от тесноты, вопящих младенцев и падающего сверху багажа непременно в виде юрких и остроугольных атташе-кейсов, которые в соответствии своему негласному предназначению так и норовят вылететь сквозь узкую щель крышки багажной полки, стоит лишь кому-нибудь вспомнить, что он забыл там, «наверху», свои пилюли от кашля, и приоткрыть ее. Невесть кому принадлежащий атташе-кейс именно в этот момент выскакивает, словно черт из табакерки, и с мстительным хрустом врезается в череп невезучего соседа, который в этот момент или мирно дремлет, или читает выданную стюардессой газету «Коммерсант».

Но в начале девяностых воздушное пьянство носило, как уже и было сказано, массовый характер. Это был какой-то «угар НЭПа» на высоте десяти километров. Весь салон балагурил, жужжал, перекрывая заборный шум турбин, и редкие белые вороны – непьющие пассажиры – тоскливо притворялись мертвыми. Игорь выпил бутылку виски, решив, что папа его если и осудит, то уж не строго, и проявит понимание в связи со столь важным этапом в жизни единственного сына, каким является окончание университета. По прибытии он довольно уверенно прошел пограничный контроль, но после того, как окончательно ощутил себя на итальянской земле, вдруг поддался приступу бесконтрольной эйфории и ухитрился вместо выхода, возле которого ждал его отец, свернуть куда-то и попал в гараж, заполненный автомобилями, но начисто лишенный человеческого присутствия. В гараже Игорь принялся блуждать в поисках выхода, но окончательно потерял все навыки ориентации в пространстве и вместо нужной двери угодил внутрь лифта, который вознес его на верхний уровень Фимичино. Там Игорь долго и безуспешно искал свой чемодан, но вместо чемодана попал в поле зрения полицейского, который направился было в его сторону с явным намерением задержать неадекватного молодого человека, упорно желающего пройти в зону вылета и спецконтроля без билета. И вот когда из обыкновенных каникул путешествие для Игоря грозило превратиться в несколько суток камеры с последующей высылкой на историческую родину и полицейский потянулся было к футляру, висевшему у него на поясе, чтобы достать наручники, вовремя подоспел отец Игоря, который, почувствовав неладное в долгом отсутствии сына, сам отправился искать его. Лемешев-старший обратился к полицейскому, и того словно ветром сдуло. Причина столь неожиданной реакции представителя правосудия крылась в диалекте, на котором прозвучали в его адрес слова Лемешева. Отец Игоря, великолепно говорящий по-итальянски, использовал сицилийское наречие, что вкупе с более

чем респектабельной внешностью превратило его в глазах полицейского в «эль падрини ди мафия». А итальянские полицейские в одиночку, без отряда коллег-карабинеров за спиной, предпочитают не связываться с отцами мафии, видимо памятуя о прискорбном конце знаменитого комиссара Каттани, превращенного этой самой мафией в дуршлаг для спагетти номер девять.

После столь успешного общения с представителем итальянского правопорядка суровый отец и семенящий за ним, словно провинившийся французский пудель, сын без приключений добрались до автомобиля с дипломатическими номерами и зачехленным российским триколором, укрепленным на правом крыле. Лемешев-старший сел за руль, Игорь нерешительно переминался с ноги на ногу и не решался открыть дверцу. Отец раздраженно ткнул кнопку стеклоподъемника:

– Перед тобой, может, дверцу открыть? Так сделать это некому, я как чувствовал и не стал брать шофера. Мне только его сплетен потом недоставало: «А у Андрея Михайловича сынок прибыли-с в совершеннейшую зюю-с».

Игорь выдавил из себя жалкую улыбочку:

– Пап, я это... Просто я не знаю, куда сесть, спереди или сзади.

– Садись спереди. Еще не хватало, чтобы все думали, что я шофер, везущий молодого и в стельку пьяного сосунка!

Игорь шмыгнул носом, робко сел на переднее сиденье, отец сразу резко взял с места. Через несколько минут машина выскочила на кольцевую дорогу R.D.A. и понеслась по внутренней стороне в направлении нужного выезда.

Игоря мутило, и он с трудом сдерживал желание познакомиться с содержимым желудка, наконец понял, что терпеть нет сил, и с мукой в голосе процедил сквозь зубы:

– Папа, останови...

Отец чертыхнулся, свернул в сторону Чивитавеккьи и, пролетев около полукилометра, остановился:

– Вылезай, скот. Еще не хватало, чтобы ты весь салон уделал.

...После вынужденной остановки заметно полегчало. Утирая рукавом невольно выступившие слезы, Игорь вернулся и, стараясь придать своему голосу искренности, попросил:

– Пап... Прости меня, а?

– «Прости меня, папа», – с издевкой ответил отец. – Ты там в Москве что, совсем уже до чертиков допился? Жаль, что ты себя со стороны не видишь! Жалкое зрелище, к твоему сведению! Молодой прохвост, от которого за версту разит перегаром, словно где-то поблизости опрокинулась бочка со спиртом!

– Ну, па-ап. Не сердись. Я же на радостях, что диплом получил, что тебя наконец-то увижу.

– Да я все понимаю, но зачем было пить столько? На тебя посмотреть, так никак не меньше литра в тебе сидит. Сидело... – с усмешкой поправил себя отец, непрозрачно намекая на причину их остановки, – или ты настоящий алкоголик, которому стоит только понюхать, и дальше понеслась душа? Не можешь заставить себя остановиться после одного стакана?

Игорь сокрушенно вздохнул и открыто, без утайки, почти совсем уже трезвым взглядом посмотрел отцу в глаза:

– Не хотел тебе говорить потому, что звучит как-то... Я вообще не хотел пить, только мать вспомнил и... Подумал, как бы вы с ней вдвоем меня встретили, как она радовалась бы сейчас здесь, вместе с нами. Ну и... Прости, пап, звучит по-детски, но я так больше не буду.

Лемешев-старший вытащил пачку сигарет, закурил и протянул пачку Игорю. Тот покачал головой:

– Не надо. А то меня опять развезет.

Помолчали...

Мать умерла внезапно, прямо на улице. Врач, проводивший вскрытие, лишь развел руками, мол, беспричинная остановка сердца. Просто перестало биться, и все. Андрей Михайлович «подключал» тогда лучших специалистов-медиков, но никто из них так и не дал какого-то определенного объяснения столь внезапной смерти. Медицина – наука неточная. Сеченов присутствовал на похоронах, выпил много водки и немало хороших слов сказал о покойной. За столом некоторые плакали: оратором Петр был превосходным, владел словом мастерски, искренне, без фальши донося свои мысли до слушателя. Отец и сын Лемешевы осиротели, и Лемешев-старший по совету того же Сеченова от новой женитьбы решил отказаться, так и жил один, разменяв пятый десяток в статусе резидента русской разведки, работающего «под крышей» нашего торгпредства в Риме.

Лемешев-старший докурил, с нежностью поглядел на сына, протянул руку и потрепал его по макушке. Делано ровным голосом произнес:

– Ладно. Нам с тобой киснуть ни к чему. Мама бы нас не поддержала, она всегда была очень жизнерадостным человеком. У меня идея есть. Как ты отнесешься к моему предложению пообедать на морской террасе? Ни к чему сейчас ехать в Рим, успеется, да и жарко в городе сверх всякой меры. А раз уж благодаря твоим позывам мы свернули на Чивитавеккью, то зачем отказывать себе в удовольствии подышать свежим морским воздухом?

...Они сидели в конце набережной, где недалеко от полицейского участка и вдали от туристического муравейника находился небольшой ресторанчик «для своих». На открытой веранде стояли несколько столиков, плетенные из соломы стулья и тенты-зонтики, бескорыстно дарящие спасительную тень. Было около двух часов дня, с моря действительно дул свежий ветер, вытесняющий нестерпимый зной в глубь полуострова. Меню, как и положено ресторану местного приморского городка, состояло преимущественно из макарон и рыбы, но блюда были вкусными. Сразу чувствовалось, что к приготовлению пищи в этом заведении относились совестливо, не гнали фальшивку для туристов и дорожили постоянными посетителями. Невозмутимый маленький официант с лицом средневекового пирата быстро принес корзинку с горячими лепешками «фокаччо», ледяную бутылку «Панны», салат из рукколы с тонко настроганной вяленой по-милански говядиной, жареного тунца под каким-то особенным сырным соусом и молча исчез. Игорь накинулся на еду, урча, как голодный кот. Отец с улыбкой смотрел на него и смаковал холодную воду, осторожно отпивая из своего стакана маленькими глотками. Сам он не был голоден и лишь наблюдал за тем, как его отпрыск со свойственным молодости аппетитом

поглощает еду. Наконец, после того как Игорь разделался с тунцом и блаженно откинулся на спинку стула, Андрей Михайлович нарушил молчание:

– Сыт?

Игорь с благодарностью кивнул:

– Все-таки хорошо, что в обязанность родителя входит забота о пропитании чада. Чадо, я то есть, этому весьма радо. Спасибо тебе огромное. Я как будто заново родился. Ты знаешь, пап, у меня ведь твои гены и обмен веществ дай Бог каждому. Так что можешь с полной уверенностью считать, что сидишь за одним столом с совершенно трезвым сыном. – Он умоляюще взглянул на отца. – Давай забудем, ладно?

Отец кивнул:

– Уже забыли. Давай-ка кофейку, он здесь какой-то совершенно необычный, они готовят кофе из почти зеленых зерен. После чашки двойного эспрессо ощущение, что тебя подключили к танковому аккумулятору. А после кофе предлагаю пройтись. Променад тут отменный, вдоль моря километров пять; окончательно придешь в себя и внимательно выслушаешь все, о чем мне придется тебе рассказать.

...Небо позволило себе слегка покрыться небольшими аккуратными облачками, по форме напоминающими местные равиоли, но все же какими бы маленькими они ни были – облачка эти давали короткие тенистые передышки, запрещая солнцу совсем уж безобразничать, нагревая все, что только доступно. После вступительных вопросов о московской жизни и поведении в стиле «простота хуже воровства» каких-то дальних родственников, ни с того ни с сего заявившихся в Москву из Житомира с намерением поселиться не в гостинице, а, как и подобает бедным «житомирским кузенам», в квартире Лемешевых, Андрей Михайлович перешел к самому главному:

– Ну и что ты намерен делать? К чему душа лежит? Только не говори, что надумал жениться. Ты еще, прости за прямоту, щенок, который самостоятельно ни копейки не заработал, и я...

– Да ты чего, пап? – Игорь даже остановился. – Ты чего разошелся-то? С Марго я расстался месяц назад, хотя ты и не знаешь, кто такая Марго. Не важно. Так что ни о какой женитьбе речи быть не может.

Отец с облегчением вздохнул:

– Ну а все-таки, что насчет работы?

– Да вот тут дядю Петю встретил. Он вроде предлагал к ним в... А я даже и не знаю, как в точности называется его контора.

Отец коротко назвал ему «контору».

– Ну да. Я так и думал. Вот и хотел с тобой посоветоваться, соглашаться мне или нет. Если соглашаться, то это получается что-то вроде армии, уж прости мне мой дилетантизм. Я-то, может, и не против, если в широком смысле брать, но уж очень мне противны все эти уставы, форма, сапоги, приказы.

– А ты как хотел? Чтобы всю жизнь без приказов?

– Нет, почему же. Просто считаю, что нужно стремиться отдавать приказы самому. Нет, я понимаю, что при моем инфантилизме делать такие заявления смешно, но, как говорится, плох тот солдат...

Лемешев-старший внутренне обрадовался тому, что без длительных прелюдий подвел разговор к основному его содержанию. Но, вспомнив, чем это «содержание» может обернуться для его единственного сына, нахмурился. Это не осталось незамеченным.

– Па, ты чего это помрачнел? Что с тобой?

– Да так... Пустое... Значит, хочешь отдавать приказы?

– Да ладно тебе, я пошутил.

– В каждой шутке есть доля шутки, сынок. Нет, я совершенно не собираюсь брюзжать в тональности «молодой да ранний». Я, – Лемешев-старший сделал

паузу, понимая, что еще мгновение – и пути назад не будет, – я как раз хочу предложить тебе сделать на этом поприще первый шаг. Хотя виноват, первый шаг ты сделал без моей помощи, позавчера, когда приказал троим здоровенным гориллам есть землю, рыдать и грызть собственные руки.

Игорь теперь не просто остановился, он замер как вкопанный и от удивления открыл рот:

– Ты... Откуда ты?...

– От дяди Пети, – отец усмехнулся. – Или ты думал, что, сделав тебе такое предложение, он не захочет проверить твои чертовы способности еще раз, чтобы окончательно убедиться в их существовании?

– Так вот кто поставил этот спектакль! То-то я, как только увидел эту бройлерную троицу, подумал, что слишком все ненатурально. Наигранно как-то. Теперь понятно.

– Все было натурально, – перебил его отец. – Сеченов – режиссер что надо. Это ты сейчас уже выдумал? Ну? Выдумал? Насчет ненатуральности?!

Игорь улыбнулся:

– О'кей. Я выдумал. Но зачем ему все это? Ты знаешь, я ведь так и не понял, что именно со мной тогда произошло, откуда что взялось. Видимо, я по-настоящему испугался.

– А ты не помнишь, когда тебе было восемь лет, на тебя пыталась напасть собака во дворе, а мы с Петром стояли неподалеку: он подвозил меня к дому. Не помнишь?

– Что-то такое. Смутно, если честно.

– А я прекрасно помню, как все было. Ты и еще несколько пацанят валяли дурака и бегали друг за дружкой по детской площадке. И вдруг эта собаченция! Огромный кобель немецкой овчарки, просто переросток какой-то! Откуда он взялся, непонятно. Одного укусил несильно, успел лишь прихватить зубами, тот

от него залез на крышу детского домика. Тогда он к тебе бросился, мы быстрее тебя спасать, а ты замер, как вкопанный, и поглядел этому псу в глаза. Неужели не помнишь?

Игорь мотнул головой:

– А что дальше?

– А дальше пес заскулил, лег на брюхо, хвост поджал и весь прямо затрясся. Я никогда такого не видел. Никогда... После этого самого случая Сеченов и помнит о твоих способностях. Именно поэтому он устроил этот театр позавчера. Он был здесь вчера и все мне рассказал. Ты сделал так, что трое сотрудников его ведомства очутились в дурдоме. Молчи, не перебивай! Я никогда не говорил тебе, где я работаю, не было необходимости. Теперь самое время сказать, что я работаю в той же организации, что и Сеченов. Мой бизнес с итальяшками не более чем прикрытие. Ты унаследовал какую-то особенность, подтвердил предание, в которое давно все уже перестали верить. Если так, а я понимаю, что это именно так, хотя мне и страшно просить тебя об этом, я все же попрошу тебя, Игорь, мой сын, не для меня или, упаси Бог, для Сеченова, но для своей страны, которой сейчас так тяжело, – ты должен работать на нас. Само собой разумеется, что никаких сапог тебе носить не придется. В случае твоего согласия первое задание ты получишь от меня здесь и сейчас. Пойми, я иду на это, понимая, что нет другого выхода!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kolyshevskiy_aleksey/sekta-roman-na-zapretnuyu-temu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)